

Сибирский ТРАКТ

№ 1(4)

- «Своя» территория: «за» и «против» *А.Петрушин* стр. 4
- Александр Сергеевич и Сибирь *А.Васильев* стр. 5
- Мариинская гимназия *Г.Скачкова* стр. 7
- Лжепророк *В.Девятков* стр. 11
- Зеркало бабки Агафьи *А.Козловский* стр. 13
- Водосвятие в Тюмени *В.Барашев* стр. 17
- Исчезнувшая деревня *В.Коптелов* стр. 20
- Эстафета подвижничества *А.Омельчук* стр. 22
- Коллекция ценных бумаг *Н.Войнова* стр. 28

... Знамение воздушное было

Сотрудители приложения
"Сибирский тракт"

Газета "Согласие"

Областной центр документации
новейшей истории

Объединение
"Областной краеведческий музей"

Государственный архив
Тюменской области

Тюменский фонд культуры

Областной музей
изобразительных искусств

Комитет по делам национальностей
администрации Тюменской области

Областная научная библиотека

Комитет по образованию и науке
администрации Тюменской области

Комитет по культуре
администрации Тюменской области

Телерадиокмпания "Регион-Тюмень"

Управления по делам архивов
администрации Тюменской области

Редакционная коллегия:

А. Васильев — редактор.
А. Гербер
В. Девятков — заведующий отделом.
Ю. Конев.
В. Колылов.
А. Омельчук.
А. Петрушин.
Г. Соболевская.
В. Стрельцов.
К. Чусов.
Н. Якимович

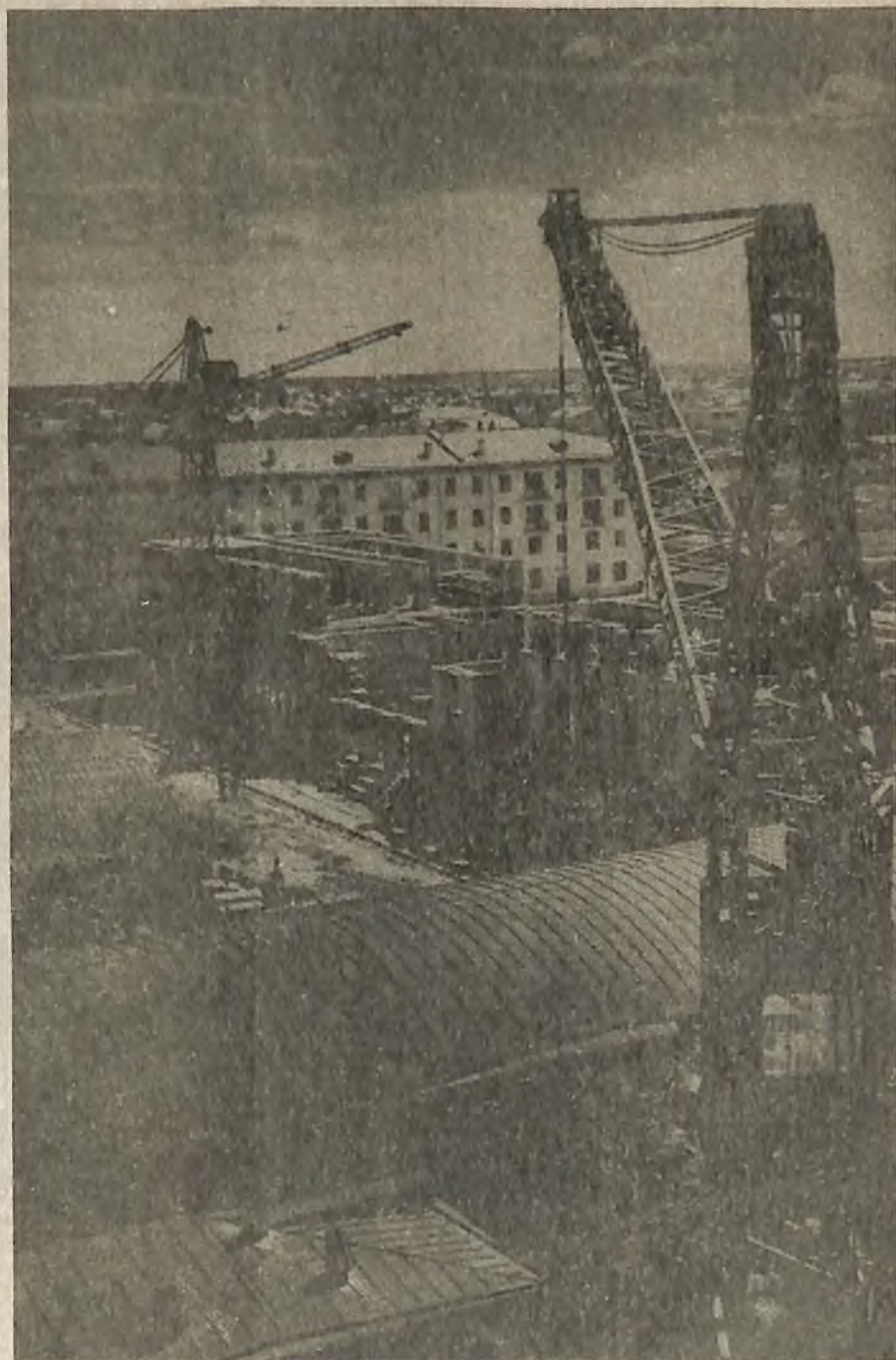
К 50-летию Тюменской области

Во втором номере «Сибирского тракта» были опубликованы снимки А. Космакова. На них запечатлена только-только формирующаяся в 1953 году Центральная площадь Тюмени. Прошло почти десять лет. На фото В. Иванова упомянута площадь в самом начале шестидесятых. Последние месяцы доживают павильоны колхозного рынка. Кран на переднем плане поднимает стены магазина «Подарки». А в центре снимка — этап строительства здания Дома Советов.

Ветераны — участники гражданской войны — на встрече с руководителями области. Вторая половина 60-х годов.

Зима 1992 года. Верующие у Всехсвятской церкви, что расположена по улице Свердлова областного центра.

Фото В. Иванова

К 50-летию Тюменской области

К 50-летию Тюменской области

«Своя» территория: «за» и «против»

О реакции тюменцев на образование «своей» области красноречиво свидетельствует обнаруженное в спецхране и датированное 1 сентября 1944 года «сообщение начальника управления госбезопасности полковника Шатеркина секретарю обкома ВКП(б) Чубарову».

«...Подавляющее большинство населения Тюмени, — отмечалось в документе, — высказывают в связи с образованием Тюменской области положительные настроения и одобряют решения правительства».

Так, электрик завода №762 С.Терлицкий заявил: «С организацией области на заводах должен быть наведен точный порядок. Улучшатся и бытовые условия рабочих, о которых администрация на заботилась...».

Инженер Е.Иванов по вопросу организации области сказал: «Теперь областные организации наведут полный порядок в городе, а то до чего дошло: закрыли цирк и театр, а по улицам и тротуарам не пройти из-за грязи».

Работник главной конторы завода №639 Г.Петров говорил: «Разделение области следовало бы провести еще в начале войны. На такой громадной территории, как Омская область, трудно руко-

водить и контролировать исполнение указаний. В культурном и экономическом отношении такие города, как Тюмень, Тобольск, Ханты-Мансийск, Салехард, тоже должны значительно улучшиться, если им уделять больше внимания».

Начальник транспортного отдела завода №639 Венчик сказал: «Промышленность Тюмени будет расти. Снабжение товарами и работа транспорта должны заметно улучшиться. Надо только проложить хотя бы в центре города хороши дороги».

Не все тюменцы «одобряли» и «поддерживали» административно-территориальные изменения. На этот счет «сообщение» приводит такие примеры:

«Замдиректора завода №762 В.Шехтер выражал среди слушавших свое недовольство по поводу образования Тюменской области. Он, в частности, заявил: «От организации области нам легче не будет. Наоборот, областные организации будут только доить нас...».

Начальник ОКСа фанерокомбината И.Кузьмин сказал: «До образования Тюменской области мы работали спокойно. А сейчас на фанерокомбинат много ездит разного начальства, что и рабо-

тать некогда. И все только за тем, чтобы что-то взять: просят людей, стройматериалы, продукты, а комбинату ничем не помогают».

Житель Тюмени Ф.Перевалов говорил в облисполкоме: «Кому хорошо, а кому и плохо. Я до образования области имел хорошую квартиру, из которой меня сейчас выселили и поместили в какой-то сарай. Да еще выселяли с милиционером. Я такой же гражданин, как и областное начальство, поэтому буду жаловаться в Москву Калинин».

Тюменец А.Вербовский среди граждан, стоящих в очереди за хлебом, сказал: «Как организовалась Тюменская область, так и с хлебом возникли перебои. В Тюмень понаехало нахлебников. И на базаре цены значительно повысились».

С тех пор прошло почти полвека, а проблемы все те же: плохие дороги, грязь, недостаток жилья, произвол чиновников, высокие цены на продукты, очереди за хлебом... Значит, выход из тяжелого положения совсем не в территориальных разделах и отделениях.

Александр Петрушин

Миниатюры истории

В Президиум Окрисполкома
17 апреля 1928 г.
Докладная записка

Надежды на получение средств из Облздравотдела на ремонт 1-й Советской больницы нет; изыскать же средства на это дело из бюджета Окрздравики также не представляется возможным вследствие того, что ассигнованные средства на больничное строительство уже разассигнованы по целевому назначению; ремонт 1-й больницы является крайне необходимым, так как последняя пришла почти в совершенную ветхость. В текущем году ремонт, как указано в докладной записке Горсовета, является действительно неотложным, а потому Здравотдел также настаивает перед Президиумом Окрисполкома об отпуске средств на ремонт 1-й Советской больницы. В случае отказа больница при таком оборудовании существовать не сможет и стоит пред фактом закрытия. Разместить же больных во 2-ю Советскую больницу невозможно ввиду того, что 2-я Советская больница является хирургической и принимает больных исключительно нуждающихся в оперативной помощи.

Зав. Окрздравом Головков

Александр Сергеевич и Сибирь

I

«...Любопытно, что при пушках в XVIII веке состояли очень многие Ганнибалы и Пушкины: не исключено, что «артиллерийская фамилия» во многом определила военную специальность, но, как знать, не родилось ли еще в XIX-XV веках прозвание «Пушкин, Пушкины» у лиц, склонных к этой новейшей технике?» — задается вопросом известный, ныне покойный, писатель.

Нет, не родилось.

Не Пушкины носят артиллерийскую фамилию, скорее, артиллерия — пушкинскую, потому что пушка по-старо-русски — человек, который громко разговаривает, — Громкий Человек.

Так что, коллега, у нашего старосты три радости: дом сгорел, жена померла, да сына в солдаты взяли.

II

В 1830 году Александр Сергеевич писал в «Моей родословной»

Смесь жестоко над собратом,

Писаки русские порой

Меня зовут ар-стократом:

Смотри, пожалуй, вздор какой!

Конечно, Александр Сергеевич, конечно. Потому тогда же вы и прозой набросали: «Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи, мужа честна, говорит летописец (т.е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского... В малом числе родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин принадлежал к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев, другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, сдвдел честное свое дело. Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них — окольничий Матвей Степанович — под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру)».

Сие набросано второпях, потому вместо Григория Гавриловича надо читать Гаврила Григорьевича и знать, что утвержденную грамоту подписали не четверо, а семеро Пушкиных.

Они и позже подписывались под документами государственной важности, Пушкины: Соборное Уложение 1649 года, например, подписано тремя: боярином и оружничьим Григорием Гавриловичем (не во время самозванства появляется он, а 40 лет спустя!) и двумя окольничьими — Степаном Гавриловичем и Борисом Ивановичем. Это XVIII век, похоже, он был временем наибольшей активности Пушкиных в русской жизни. Может быть, и потом активность их была высока, но посты были много ниже.

«Упрямства дух нам всем подгадил», — признается Александр Сергеевич. Может быть. Только упрямства ли?

III

Времена были неспешными, а события разворачивались стремительно.

В год основания Тюмени, в 1586-м, за слабоумного царя Федора Иоанновича правил государством Роснийским царский шурин Борис Годунов. Чтобы отстранить одного от власти, князя Шуйские, заручившись поддержкой московского посада и старомосковского дворянства, подали челобитие о разводе царя с неплодной Ириной Федоровной в надежде, что это поможет им отстранить Годунова от власти. Церковь оказалась на стороне Шуйских: челобитную поддержали глава церкви Дионисий и архиепископ Крутицкий Варлаам Пушкин.

Александр Сергеевич называет свой род мятежным.

Годунов мятежников успокоил быстро: кого посадил в тюрьму, кого отправил в ссылку в разные места, а Варлаама Пушкина — на Северную Двину, в Антониево-Сийский монастырь.

Следовательно, он не может быть началом темы «Александр Сергеевич и Сибирь».

Тема начинается пятнадцатую годами позже, в 1601 году: «Того же году, в февраля в 2 день, послал царь и великий князь по городам воевод в сибирские городы: в Тобольск воевода Федор Иванович Шереметев да Остафий Михайлович Пушкин...».

Остановим строки летописи.

Итак, в 1601 году в Тобольск направлен вторым воеводой Евстафий Михайлович Пушкин (Александр Сергеевич его будет второпях называть Афанасием. Может быть потому, что имя это переводится Бессмертие?).

А теперь продолжим: «в Пельме воевода князь Василий князь Григорьев сын Долгорукой да Гаврило Пушкин...».

Вот он где, Гаврила, вторым воеводой в Пельме, через восемь лет после основания оного.

А летопись продолжает: «В Тюмени воевода князь Александр князь Данилов сын Приемков да Федор Пушкин...».

Через пятнадцать лет после возникновения Тюмени в ней второй воевода Пушкин, Федор Семенович.

IV

«А послал царь Борис в Сибирь Пушкиных Остафья с братьею за опалу, что на него в Остафья доводили люди его Филлипка да Гришка Петров в прошлом во 108-м (1599-1600) году. А Левонтей да Ивашка Пушкины в то же время сосланы были в Сибирь за то, как они били челом на князя Андрея Елецкого в отечестве, и оне царя Бориса челобитьем своим раскручинили, и царь Борис на них опалу свою положил — сослал их в Сибирь, а поместья и вотчины у них велел отписать и животы их распродать».

В то же время в Сибирь был сослан Савлук Пушкин.

При Борисе Годунове Пушкины пострадали всем родом, кроме упомянутых. В Сибири оказались сын Евстафия Лука — вторым воеводой в 1601-1602 годах в Мангазее, в 1601 году по делу Романовых в

Сибирь был сослан Василий Никитич Пушкин, племянник Евстафия. Евстафий умер на службе в Тобольске, на его место послали его брата Никиту Михайловича.

Что тут скажешь? У нашего старосты четыре радости: лошадь пропала, коров не найдут, два брата в солдатах, сестра в денщиках.

Пушкиных реабилитировали и возвратили из Сибири в 1603 году.

Но царя Бориса они раскручинили не челобитьем на князя Елецкого, а поддержкой Романовых, стоянием на их стороне.

У

Судьбы рода Пушкиных давно в соприкосновении и зависимости от судьбы рода Романовых.

Александр Сергеевич смиренно замечает:

Понятна мне времен превратность,

Не прекословлю, право, ей:

У нас нова рождением знатней,

И чем новее, тем знатней...

Вы помните, что такое местничество?

Это чтобы тебе не давали должность ниже, чем была у твоего отца, не ставили в положение ниже, чем у него было. Местничество дело нештучное. Летописцы тех лет сообщают: «А которые бояре царю свойственные по царнице, и они в думе и у царя за столом не бывають, потому что им под иными боярами сидеть стыдно, а выше неуместно, что породу невысоки».

Вот и далекий предок Александр Сергеевича, Степан Гаврилович, за двести лет до этих стихов, в 1651 году, бьет челом царю Алексею Михайловичу: «В нынешнем, Государь, во 160-м году декабря в 17 день в передней при тебе, Государь, боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукой лял отца моего и дядю мою и всех родителей наших и называл нас перед собою худыми людьми».

Но Пушкины — громкие люди. Степана Гавриловича не перекричишь и доводы у него основательные: «...родители, Государь, наши, как и пошла наша лестница от Григорь от Пушки и от сына его от Константина Григорьевича и по се время не токмо у архиепископов — и у удельных великих князей ни один человек нашей лестницы не служивали, а служивали все вам государем и великим князем московским и всея Руси».

Что в ответ было сказано боярину князю Юрию Алексеевичу, если его предки «были у архиепископа у Новгородского в детях боярских?»

А детьми боярскими назывались мелкопоместные дворяне, живущие военной службой.

VI

Степан Гаврилович Пушкин объяснял царю Алексею Михайловичу Романову: «И родители, Государь, наши при царе Борисе Федоровиче в то время все были в опале разосланы за вас, государей, что говорил дядя мой Остафий с отцом моим и иными братьями своими: «Как де царя Бориса выбрали на Московское государство, и он де в те поры передо всем народом

клялся, что ему другу не дружить, а не-другу не мстити, а ныне де почал розсылати в заточенья таких великородных и ближних людей — деда твоего государева блаженныя памяти великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси з братьею — и за то де ему и Бог не потернит... И за то, Государь, царь Борис Федорович на отца москво и на дядей моих опалу свою положил и разослал их по городом...».

И говорил далее Степан Гаврилович, что после ссылки даже если кто и претендовал на высокий пост, «сыскав розряды, всем поворот бывал...».

К 300-летию царствующей династии была издана книга «Россия под скипетром Романовых». В ней есть кое-что о Пушкиных.

13 апреля 1605 года царь Борис после обеда почувствовал себя дурно и через несколько часов скончался. Он пользовался малым доверием у войска, оно перешло на сторону самозванца Димитрия. Первого июня в Москву прибыли два посланца его, один из них — Гаврила Григорьевич Пушкин. Он, как только позволили обстоятельства, оказался на его стороне.

Посланцы прибыли «с прелестными грамотами сперва в Красное село и собрався с мужики, пошли в город, и пристал народ многой, и учали на Лобном месте грамоты честь... народ возмущился и учали Годуновых дворы грабить... И Гаврила Пушкина Рострига за то пожаловал, что назвался у него к Москве и государство Московское смутил, пожаловал сокольничеством и в Думу».

Время Смуты далеко, примеров странного, на теперешний взгляд, поведения людей много, жизнь Гаврилы Григорьевича — в их числе. Стронник и сподвижник Самозванца, он не только не покаран, но оставлен при дворе, присутствует при возведении на престол Михаила Федоровича Романова.

Он не только присутствует,

но и местничает. С кем? С тем, кто собрал и повел против самозванцев Земское ополчение. «Тово же дни пожаловал государь в бояре столника князя Дмитрея Михайловича Пожарского, а сказывал боярство думный розрядный дьяк Сыдавной Васильев. А у скаски велел государь стоять думному дворянину Гаврилу Григорьевичу Пушкину, и Гаврила на князя Дмитрея бил челом государю в отечестве, што ему у скаски стояти и менши князя Дмитрея быти невместно...».

Может быть, оттого невместно, что женат он был на падчерице шестой жены Грозного Василисы Мелентьевой? Или по чему иному?

УП

До Александра Сергеевича Пушкины не очень старались упоминать о Сибири, даже вымарывали это слово в семейных бумагах да кое-что вымарывали из касаемого Смутного времени.

Наз каждый день опала ожидает, Тюрьма, Сибирь, лобук иль кандалы... Вложил в уста предка в «Борисе Годунове» эти слова Александр Сергеевич, и в каждом была правда. Он сам в 1820 году мог оказаться в Сибири, только благодаря стараниям друзей оказался на юге.

В «Моей родословной» не только память о высоких местах предков — сама российская история.

Не торговал мой дед блинами,

Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князья не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава Богу, мещанин.

Сама российская история, но и гордость за свой род. Отсюда и коротенькое замечание о Матвее Пушкине, подписавшем документы о запрещении местничества, «что мало делает чести его характеру!»

А Сибирь Пушкины прошли из конца в конец. В том же XVII веке дошли до морей Тихого океана, если не они сами, то с именем их: «Писали к нам прежние воеводы Василий Пушкин со товарищи: в прошлом во 156 (1648) году писал к ним в Якутский острог ясачный сборщик служилый человек Семейка Шелковник... а в отписке его написано «в прошлом же де во 155 году пришел он Семейка на Охоту реку и зимовье поставили...».

Так что душа Александра Сергеевича пусть удовлетворится совершенными предков.

У нашего старосты три радости: о Масляной кататься, о Святой качаться, на Троицын день венки вить.

Анатолий Васильев

Рис. Н.Макарова

Мариинская гимназия

К 140-летию первого женского учебного заведения Тобольска

В 1992 году исполнилось 140 лет со времени возникновения первой женской школы в Тобольске, преемницей которой в настоящее время является средняя школа №1. Ее история проходит несколько этапов: Тобольское девичье приходское училище, Мариинская женская школа, Мариинская женская гимназия, школа 2-й ступени, неполная средняя школа №1, средняя школа №1. Здесь дана попытка показать историю школы в процессе ее становления и развития как первого крупного очага женского образования в Тобольской губернии.

Тобольское девичье приходское училище (1852-1854 гг.)

Первая женская школа на территории губернии была открыта в 1846 году в Ялutorовске. Основал ее ссыльный декабрист Иван Дмитриевич Якушкин в память о своей покойной жене. Создание школы дало толчок развитию женского образования в Сибири. Используя хорошую репутацию этого учебного заведения и опираясь на его опыт, передовая общественность Тобольска стала настойчиво добиваться открытия женской школы в губернском центре.

Декабристы тобольской колонии Александр Михайлович Муравьев и Петр Николаевич Свистунов получили от И.Д.Якушкина подробные указания о составлении учебных пособий и построении процесса обучения. Когда же этого оказалось недостаточно, в Ялutorовск был отправлен учитель Степан Николаевич Николаев. Его послали на средства А.М.Муравьева для «ознакомления с устройством и преподаванием в тамошнем училище для девиц». А.М.Муравьев и П.Н.Свистунов, впоследствии являясь членами комитета по созданию школы, оказывали ей материальную поддержку, а после открытия служили при ней поочередно в должности казначея и эконома.

Городское общество объявило о создании женской школы еще в 1837 году в память знаменательного события — посещения Тобольска цесаревичем Александром. Несмотря на заявление городских властей, организация дела затягивалась.

Определенный сдвиг был сделан членом Государственного совета Н.Н.Анненковым, ревизовавшим Западную Сибирь в 1851 г. Он обратил внимание Тобольского губернатора на такой важный недостаток, как отсутствие женских учебных заведений в центре губернии, и поручил директору училищ П.М.Чигиринцеву и городскому голове Н.В.Неволину разработать проект школы и найти средства на его осуществление. Тобольское городское купеческое и мещанское общества добровольно пожертвовали на пользу будущему заведению капитал в 2857 рублей серебром.

Вновь назначенный Тобольский губернатор Тихон Федотович Прокофьев учредил комитет по созданию школы в составе супруги бывшего представителя Тобольской духовной палаты Маргариты Васильевны

Львовой, директора училищ П.М.Чигиринцева, депутата от купечества Н.С.Пиленкова, депутата от мещан К.Н.Николаева. Козьма Николаевич Николаев, разночинец по положению, демократ по убеждениям, обладал проницательным умом, солидным запасом знаний и неуемной жаждой деятельности. В начале 50-х годов он выступил страстным поборником эмансипации женщин. «Раскрепощение прекрасной половины рода человеческого» он видел прежде всего в развитии женского образования. Человек дела, К.Н.Николаев давно свои идеи пытался провести в жизнь, но не встречал поддержки у власть имущих. Став наиболее активным членом комитета по созданию школы, он нашел квартиру для девичьего приходского училища и изъявил готовность принять на свой счет плату за эту квартиру на несколько месяцев вперед.

Комитет по учреждению школы распорядился заготовить все необходимые классные принадлежности. Были приглашены законоучитель, бывший священник Благочинной церкви Федор Лебедев, надзирательница и учительница рукоделия А.И.Резанова, учитель чтения, письма и арифметики. Также заблаговременно были приглашены служитель и няня.

Торжественное открытие состоялось 30 августа 1852 года. В тот день стояла чудесная предосенняя погода. К 10 часам утра в квартиру училища стали собираться родители с детьми. Будущих учениц набрали более 70 человек. На торжество прибыли многие почетные лица во главе с губернатором Т.Ф.Прокофьевым.

Приемный возраст девиц был назначен от 10 до 12 лет, а в особых случаях — 9 и даже 8 лет. Изучали Закон Божий, чистописание, чтение, арифметику, рукоделие и ремесла.

Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х.Гасфорд посетил Тобольскую школу для девиц и остался очень доволен ее устройством, а также чистотой и опрятностью учениц. Особенно удовлетворение он выразил ланкастерскими приемами обучения, присутствуя на уроках письма под диктовку и арифметики.

Число учениц приходского училища быстро увеличивалось, доходило до 120 человек. Временное помещение оказалось тесным. Городские власти озаботились поиском нового, более удобного здания. И на гостинодворские средства (2800 руб.) был куплен двухэтажный каменный дом около церкви Михаила Архангела.

Мариинская женская школа (1854-1912 гг.)

3 апреля 1854 г. были утверждены положения и штат школы. Она получает наименование Мариинской и состоит под ближайшим покровительством государыни. Школа разделяется на два отделения: в первом обучаются девицы из низших сословий, во втором — дочери благородного звания, духовных и купцов. Комплект приходских учениц определяется в 1-м отделении в 120, а во 2-м — в 50 человек. Оба отделения разделяются на два класса: высший и низший, с трехлетними курсами обучения в каждом.

В состав учебного курса были определены следующие предметы: Закон Божий, русский язык, история и география России, арифметика, чистописание, рукоделие и домашнее хозяйство. Проект предусматривал французский язык, всеобщую историю и географию, рисование и танцы ввести впоследствии, когда «способы заведения позволят». Первой попечительницей Мариинской женской школы стала жена тобольского губернатора Анна Михайловна Арцимович. Школа содержалась на проценты с принадлежащего ей капитала и платы учениц второго отделения по 12 рублей серебром в год.

Открылась женская школа в новом качестве 22 июня 1854 г. в день тезоименитства Цесаревны (будущей императрицы Марии Александровны). По случаю торжества была принесена икона Абалакской Божьей Матери, сюда прибыл губернатор Тобольска и прочие почетные лица города.

После открытия школы 1-е ее отделение составилось из бывшего здесь девичьего училища (61 ученица). Во 2-м отделении, в отличие от первого, открыли низший класс в составе 30 учениц. При школе был организован пансион для 10 сирот из благородного звания. С 1859 года начал действовать платный пансион для иногородних.

Совет школы сразу озаботился поиском средств в помощь «казенным» воспитанницам при выпуске их из заведения. С этой целью была проведена лотерея, в которой разыгрывались рукоделия воспитанниц и различные вещи, пожертвованные семьей губернатора и другими лицами. От лотереи было получено 800 рублей, которые и составили фонд помощи.

Для наблюдения за здоровьем воспитанниц и оказания им врачебной

помощи добровольно и безвозмездно предложил свои услуги член Тобольской врачебной управы коллежский советник Юшков. Содержатель вольной аптеки провизор Рауленбек изъявил готовность безвозмездно отпускать лекарства для больных воспитанниц.

Приобретение книг и журналов по недостатку средств ограничивалось самым необходимым. В течение многих лет материально поддерживала школу труппа Тобольского театра благотворительными спектаклями.

В 1857 году совет школы обратил внимание на тесноту ее помещений. Стремясь устранить эти неудобства, почетный гражданин Тобольска И.Н.Пиденков выстроил на свои средства два деревянных флигеля (один для 1-го отделения, другой — для образцовой кухни и прачечной).

28 марта 1856 года генерал-губернатору Западной Сибири были направлены рекомендации министра народного просвещения о приближении курса преподавания в женских школах к гимназическому, а впоследствии — о преобразовании школ в гимназии. Поскольку Мариинская женская школа находилась на более высоком уровне из всех существовавших тогда женских

учебных заведений губернии (Туринского, Ялуторовского, Курганского, Березовского уездов), то опыт преобразования закрепили за ней. На основании этих рекомендаций в школе вводились дополнительные учебные предметы: русская словесность, французский язык, геометрия, всеобщая история и география, рисование, чтение, танцы и музыка.

В июле 1858 года при школе открыли детский приют. Первоначально туда поместили пять девиц, которые проживали во флигеле соседнего со школой дома, в котором на средства купца Пиленкова над нижним каменным достроили второй деревянный этаж. В 1863 году приют был отделен от школы и получил название «Александровского».

В 1862 году курс высшего отделения вновь подвергается изменениям: он был разделен на 3 класса с двухгодичными сроками обучения. Вводились и новые дисциплины: естественная история, физика. В связи с этим пополнился преподавательский коллектив за счет учителей губернской гимназии и высшего начального училища.

Нравственное воспитание за все годы существования школы было на достаточно высоком уровне. Введенные при первой

попечительнице А.М.Арцимович традиции нравственно-религиозного, физического воспитания девиц неизменно сохранялись ее преемницами О.А.Дембрт, Е.П.Масловской и М.И.Попкович.

В 1867 году школу постигло большое несчастье. 3 сентября в здании случился пожар. Пострадал главный корпус, сгорели деревянный флигель и галерея. Огонь уничтожил дела, рояль и еще много школьных вещей. Поскольку здание требовало большого ремонта, оба отделения школы перевели в приспособленные помещения.

24 июля 1868 года женскую Мариинскую школу посетил Великий князь Владимир Александрович. В честь этого события дамское общество, собрав определенную сумму, обратилось к князю за разрешением учредить стипендию имени его императорского Высочества. Стипендия была разрешена.

Школа, по оценке современников, располагала скромными средствами, имея бюджет 15-17 тысяч рублей. Постоянную материальную поддержку оказывал торговый дом «Плотников и сыновья». Помогало школе городское драматическое общество, денежные пособия поступали от отдельных граждан.

Результаты учебного процесса были достаточно высокими. Название Мариинской женской школы, как уже упоминалось, не соответствовало ее реальному статусу, так как она, по сути, давала гимназическое образование.

Мариинская женская гимназия (1913-1919 гг.)

Однако процесс перестройки школы в гимназию затягивался. И только в августе 1913 года Мариинская женская школа была официально объявлена Мариинской женской семиклассной гимназией с подготовительным и 8-м дополнительным педагогическими классами, в которых изучались специальные предметы: педагогика и дидактика, анатомия и физиология с гигиеной, методика начального обучения русскому языку, история русской и всеобщей литературы.

Старое здание учебного корпуса уже не удовлетворяло потребностей гимназии. Поэтому общественность города настояла на сооружении нового. Строительство завершилось в 1914 году. Это стало значительным событием, которое широко освещала местная пресса. Здание было электрифицировано, вместе с печным здесь пользовались и центральным отоплением. В комплекс гимназии входили хозяйственные постройки: жилые

помещения для прислуги, баня, прачечная, конюшня и проч.

О первых шагах гимназии вспоминает бывшая ученица В.П.Медуницкая: «На Большой Архангельской улице (ныне ул. Ленина) достраивалось трехэтажное красное кирпичное здание. Высоко вверху над парадным входом красовалась золоченая надпись «Мариинская женская гимназия». Мы, гимназистки первого класса, с каким-то почтительным удивлением проходили мимо в трепетном ожидании — скоро ли мы будем учиться в этом прекрасном здании. Наконец осенью 1914 года — начало занятий. После церемонии освящения приглашенные гости уехали, а мы — по коридорам и классам. Все с иголочки, все блестящее...»

Звонок! Открываешь глаза — в окнах сизая муть зимнего утра. Бежишь под кран умываться... На тебе форменное коричневое шерстяное платье, черный передник, волосы зачесаны в две косы с черными бантами. Накинув поверх формы белый передник и пелеринку, становимся в ряды, идем в зал на молитву, потом — в столовую. После, сбросив пелеринки и взяв учебники, спускаемся в классы. Там уже собрались подружки, которые живут дома. Опять молитва, и начались уроки. Их пять, по часу каждый. После третьего урока полчасовая перемена. На лестнице на лотке аппетитно разложены бутерброды и пирожки. Лоток осаждают покупательницы из младших классов.

И снова урок. Вольные позы не разрешаются. Нельзя ни оборачиваться, ни шептаться с соседкой — попадешь под

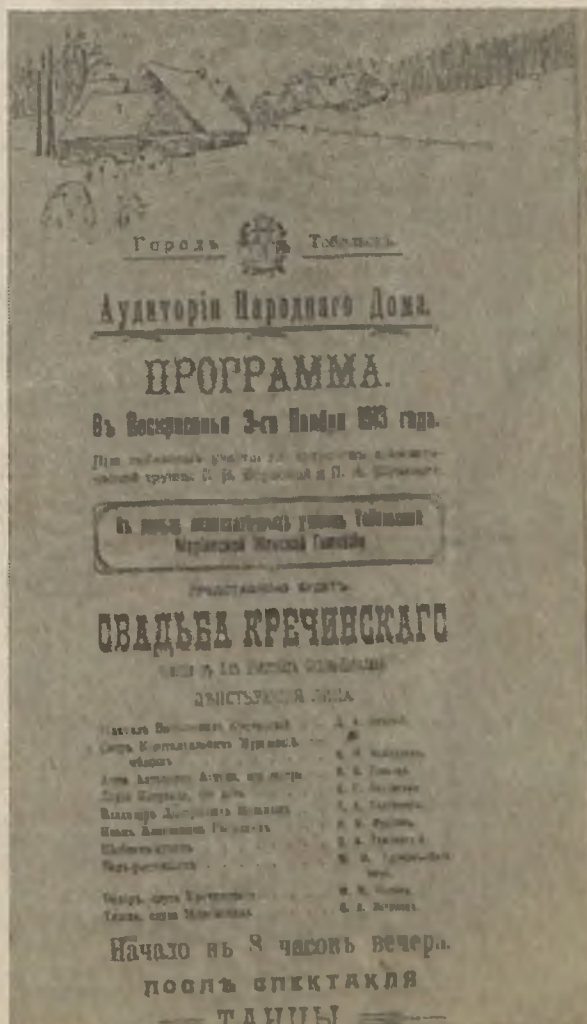
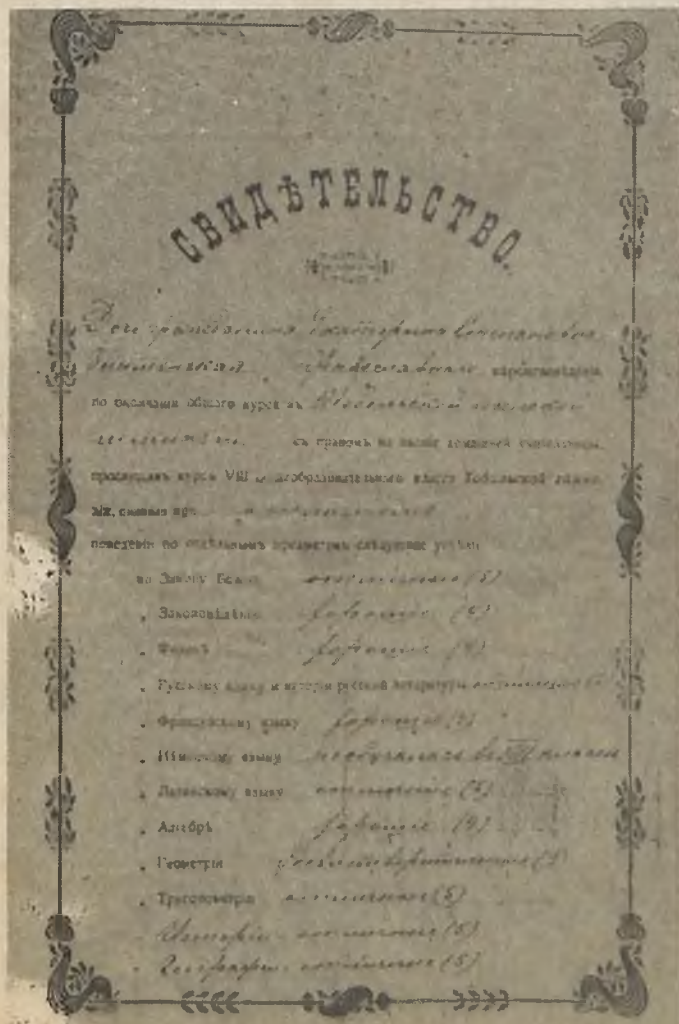
колючий взгляд классной дамы. Укоризненное покачивание ее головы означает замечание в дневнике и снижение оценки по вниманию, а иногда и по поведению. Зато и свободно же вздохнешь, когда классная дама выйдет вон. Учитель занят уроками, а не поведением девочек.

После уроков — обед, потом прогулка. Нас ставят в пары и выводят в заснеженный сад, а оттуда — во двор. Там две ледяные горы, приготовлены санки-кованки. Хорошо лететь с горы и смеяться, но слишком громкий смех вызывает замечание со стороны дежурной классной дамы...»

На 1914 год выписаны 23 наименования периодических изданий. Среди них «Исторический вестник», «Русская старина», «Задушевное слово», «Золотое детство», «Естествознание и география», «Вестник воспитания», «Детский мир», «Русская школа».

Становление и развитие гимназии проходило в сложных условиях мировой и гражданской войн. Тем не менее число учениц росло с каждым годом. Если в 1913-1914 гг. их было 335 человек, то к 1918-1919 учебному году количество учащихся увеличилось втрое. Весной 1919-го Мариинская женская гимназия сделала свой последний выпуск.

Г.Скачкова,
научный сотрудник музея-лаборатории,
г.Тобольск.

Среди коллекционеров

На конвертах — Тобольск

Очень часто сюжетами рисунков художественных маркированных конвертов (ХМК), выпускаемых Министерством связи СССР, виды или достопримечательности городов страны. Не обошла почта своим вниманием и нашу область, в том числе один из старейших ее городов Тобольск.

К первому такому конверту можно отнести выпущенный в конце 1957 года с видом Иртыша в окрестностях города. Следующий, который имеет к нему отношение, это ХМК с портретом Д.И.Менделеева (1959 г.).

В 1962-м город отмечал 375-летие, и в обращение поступил тогда же конверт с изображением одной из главных достопримечательностей, к сожалению, ныне бывшей, — драматического театра. Этот же сюжет стал темой еще одного ХМК, выпущенного полтора десятка лет спустя.

Тобольский кремль, разумеется, тоже оказался в поле зрения Минсвязи. Первый конверт, на рисунке которого южная шатровая башня кремля, выходит в 1968 году. Еще один, на этот раз с общим видом памятника архитектуры XVII-XVIII вв., — к 400-летию города. В собраниях коллекционеров есть конверт и с памятником Ермаку.

К тобольской теме можно отнести еще некоторые ХМК. Например, с иллюстрациями к сказке Ершова «Конек-горбунок». А в 1963 году в обращение поступает конверт с изображением теплохода «Тобольск». Теплоход ходил по линии Ванино-Магадан.

В.Юрьев

Миниатюры истории

Всем отделам Ишимского Уревкома, Утрамоту, Уеваку и всем прибывающим в г.Ишим сотрудникам различных советских учреждений

В дополнении к циркулярному распоряжению от 15 октября с.г. №7175 о порядке визитации мандатов разъясняется, что все командированные в Ишим сотрудники волисполкомов Ишимского уезда и сотрудники Губернских и Центральных советских учреждений обязаны по исполнению командировки иметь на мандатах отметки о выполнении командировки от того учреждения куда были командированы и уже только после этого административным столом будет даваться разрешение на получение разрешения на выезд из города, сотрудники, имеющие продовольственные карточки и карточки на получение обедов из общественной столовой, в мандатах коих об этом есть соответствующая пометка, обязаны карточки сдавать в административный стол отдела управления, последний ежедневно препровождает их в распределительный отдел Упродкома.

Уеваку и Утрамоту предписывается первому не выдавать разрешений на выезд по жел. дороге, второму не выдавать квитков на получение лошадей тем лицам, в мандатах коих не имеется следующей надписи Административного стола Отдела Управления: выезд из г.Ишима Отделом Управления разрешается. Настоящее распоряжение должно быть вывешено во всех советских учреждениях.

Исторический криминал

Лжепророк

В 1891 году в Перми вышел сборник статей о Пермской губернии Д.Смышляева. Сведения об авторе сборника можно найти в книге Г.Гомельской об уральском ученом Н.Чупине (Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1982).

С именем Д.Смышляева связаны многие важные события в истории местного краеведения. Дмитрий Дмитриевич был сыном состоятельного пермского купца, владельца богатой домашней библиотеки, которая послужила юному купеческому сыну базой для образования. После смерти отца он ликвидировал торговое дело и занялся тем, что считал своим призванием.

В 1882 году Д.Смышляев (к тому времени ставший видным земским деятелем) предпринял издание «Сборников материалов для ознакомления с Пермской губернией». До 1893 года — года кончины автора — вышло шесть выпусков. В сборнике девяносто первого года опубликована в числе прочих статья «Лжеучитель Мензелин» из истории раскольничества в Западной Сибири. Смышляев писал ее, опираясь на архивные документы.

...В 1782 году генерал-губернатор пермский и тобольский Е.Кашкин получил донесение тобольского наместника о бежавших из разных деревень Казацкой слободы и Песчанского зимовья Ялуторовского ведомства 137 крестьян с целью самоистребления. Е.Кашкин затребовал все материалы, производившиеся о раскольниках.

Собственно дело «о лжеучителе и злодее Мензелине и его сообщниках» начинается с донесения исполняющего должность тобольского губернатора Г.Осипова о том, что Ялуторовская управительская канцелярия доложила ему рапортом, что «на 15, 16 и 18 мая (1782) из разных деревень бежало крестьян со всеми семействами и малолетними детьми... Из них двое: Данило Гладков, Федор Пьянков и женка Катерина Абакумова — присланы в Ялуторовск».

Допрошенный Гладков показал, что «подговорил их Ялуторовского ведомства Суерского острогу крестьянин Михайло Мензелин бежать на озеро Сазыкуль, имеющего острова, и на тех местах молиться богу и ничего не есть, и помереть с голоду. И сказывал Мензелин, что уже приходит время прийти в мир антихристу, и потому должно от него бежать в горы и вертепы и помереть голодом, и засыпаться пеплом, от чего и истает тело аки воск, и душа уйдет на небо. С тем самым они и бежали, чтоб им от поста помереть и детей поморить, и потому не взяли с собой нисколько хлеба».

Для поимки бежавших ялуторовская канцелярия отправила поручика Озерова с командой. Губернатор предписал управителю секунд-майору Розингу строго внушить Озерову, «чтоб с беглыми, буде пойманы будут, поступать человеколюбиво, уверить, что будут прощены, даже если что и совершили по заблуждению,

а если будет взят Мензелин, то отправить его в Тобольск в крепких от утечки оковах».

В июне из Ялуторовска поступает донесение: Мензелин и его сообщники пойманы и допрошены. Семидесятилетний крестьянин Суерского острога Михаил Мензелин показал, что занимался раньше торговлей хлебом и имел около тысячи рублей собственного капитала. У православных священников не бывал, всегда от них откупался, в церковь не ходил.

За несколько лет до поимки Мензелин направился на озеро Кабанье в Ишимском ведомстве, а потом на озеро Лебяжье, где жил в землянках. Затем пришел в Казацкую слободу на займище Черное. На озерах ловил рыбу, выменивал ее на хлеб. С займища Мензелин пошел в деревню Шушарину, где совещал с двумя местными крестьянами «ради Христа детей их закопать в яму». Те согласились и уехали с намерением исполнить совет в бор.

Затем лжепророк некоторое время бродил «по степям и островам и пашенным избушкам», наставляя людей «засыпаться песком и пеплом и закапываться в землю и помирять постом и голодом». Ему удалось подговорить несколько десятков крестьян бежать на озеро Сазыкуль с намерением погостить и помереть с голоду. «Безумцы вышли на безлесный остров, а к вечеру перебрались на другой, средний, на котором застали крестьян Осипа Замиралова с товарищи, с семейством, всего 10 человек, и нашли избушку, срубленную из бревен, и два стана, да сделан один из земли, называемый вертеп, в который сажают тех, кто пожелает запоститься». Тут и обнаружила их команда поручика Озерова.

Последующие события развивались трагически. Люди опасались наказания. «Если боитесь мучения, — стал говорить Мензелин, — то ступайте с детьми в воду и за Христа топите так, как сорок мучеников в Ефесе потопились». Сделали плот. «За сим, помолившись Богу, все переоделись и малых ребят переодели в белые рубашки, девки расчесали волосы, подходили к Мензелину, падали ему в ноги и просили благословения... В то время женка Трушникова начала рожать младенца и в ожидании окончания родов исполнение общего намерения замедлилось. Родился мальчик, которого Мензелин окрестил тремя погружениями в воду и назвал Константином, и все положили перед Богом за того младенца 4000 поклонов в землю, после чего мать новорожденного переоделась в белую рубашку». Затем всех детей посадили в две лодки. «Старик Першин, взяв с собою двухлетнего внука, а за ним Иван Трушников пошел в воду, а все прочие лодки с малолетними потонули».

Мензелин пока оставался на острове, потом на лодке поплыл к плоту, где застал в живых человек десять, в том числе и свою замужнюю дочь. Всех детей уже утопили. «И стал он говорить своей дочери, чтобы за Христа умерла, которая и бросилась в воду, но не смогла скоро утонуть и потому просила ее освободить, обещая поститься, но отец ее не послушал и, придавив жердью, утопил. Иван Трушников с держащейся за него малолетней дочерью просил Мензелина, чтобы он

скорее мог утонуть, и тот пригрузил их жердью ко дну».

Всего жертвами фанатика стали 53 человека. Оставшихся в живых взяла команда. Позже, на допросе, некоторые показали, что когда прельщенные лжепророком пошли в воду, то Мензелину помогали их топить Осип Замиралов и Захар Шушарин. Старец при этом держал в руках ноги, а Замиралов косу. Последний утопил и двух своих детей. Крестьянин Андрей Коробицын рассказал: когда жена его выплыла на плот, то он по научению Мензелина снова столкнул ее в воду и собственными руками закинул под плот. О Федоре Рухлове показали, что «будучи с семейством в бору, двоих своих малолетних внучат заморил с голоду, еще дышащих закопал в землю; сына своего зарезал ножом и сам себя в брюхо зарезал».

После следствия определили: «Злодею, лжеучителю и смертоубийце Мензелину и сообщникам его Осипу Замиралову и Даниле Гладкову... наказание кнутом произвесть в тех самых местах, где они пагубные свои ереси рассеивали и где особенно, по рассуждению нашему, полагается; потом вырвать ноздри и, поставя на лбу и на щеках указанные знаки, заклепав в кандалы, отправить вечно в каторжную

работу Рижской губернии, на остров Эзель...».

27 июня 1784 года тобольский вице-губернатор Протопопов рапортует в Пермь, что в исполнении решения Сената Мензелин и сообщники его биты кнутом принародно в трех деревнях: Каменной, Монайской и Песчаной. Затем их препроводили в деревню Шарташскую, где снова били кнутом и где им рвали ноздри, а также ставили знаки на лбу и щеках.

Деятельность Мензелина не ограничилась рассказанной выше. В июне 1783 года крестьяне деревни Кабаковой, что под Ишимом, Владимир, Яков и Иван Кабаковы заперлись в домах со своими семействами с целью саможжения. Получив такое известие от старосты Бехтелина, ишимский капитан-исправник Фантрейблют тотчас выехал на место. Но на все увещания Кабаковы отвечали, что лучше бы их оставили в покое, иначе подожгут запасенные порохи и солому. И свою угрозу выполнили. Крестьянам все же удалось спасти от огня шестнадцать человек, а двадцать семь сгорели заживо.

Как показало следствие, в марте 1782 года к Якову Кабакову приезжал Мензелин, говорил с ним о скором пришествии антихриста, увещевая умереть за Христа.

19 марта 1784 года тобольское наместническое правление докладывает в Пермь Кашкину: «Сего марта 18 дня Ишимской округи капитан-исправник рапортом доносит, что... 4 сего марта Казацкой слободы от крестьянского старосты Рьльских прислан к нему рапорт, писанный от 3 числа, которым доносит, что сей час ведения Казацкой слободы деревни Тарской, улишной десятник, прибежав к нему, объявил, што той деревни крестьянин Егор Самойлов, он же и Осетров, в своем доме не знает пошто — запершись и никого не пускает. По которому объявлению тот староста в ту деревню, обще с копейстом Григорьем Загибаловым того часу приехал; но уже того крестьянина Осетрова дом горит, где и он Осетров с семейством сгорел».

На этот раз погибли шестнадцать человек. Как выяснилось впоследствии, и здесь не обошлось без увещаний Мензелина. Д.Смышляев в своей статье приводит еще несколько фактов саможжения. Документы показывают, что склонность к учению лжепророка в конце XVIII века была распространена на Среднем Урале и в Зауралье.

В.Девятков

Миниатюры истории

«О различных необыкновенных случаях, бывших и впредь имеющих быть с 1847 года»

Так называются записи в «Памятной книге Тюменской Крестовоздвиженской церкви».

«Памятные книги» велись с 1847 до 1910 годы включительно в каждой церкви по указанию Тобольской Духовной Консистории по строго данным вопросам:

- с какого года начался приход;
- сколько было в нем дворов и душ;
- сколько, в котором году было церковной суммы;
- кто был церковнослужителем;
- сколько, в каком году родилось и умерло детей, взрослых;
- сколько было браков и т.д.

Не в каждой церкви эти книги сохранились.

1848 год

Указом Тобольской Духовной Консистории от 30 июня 1847 года №2989 с дозволения Архиепископа дозволено возобновить Крестный ход с иконою Нерукотворенного образа Спасителя, называемого тарханским по полям и селениям в сопровождении местного Прочта.

В августе месяце появилась небывалая в Сибири болезнь — холера, которая прекратилась в сентябре месяце, от этой болезни в приходе померло 9 человек. Во время свирепствования холеры жители тюменские, несмотря на склонность к старообрядчеству, бросили все свои причуды, начали усердно ходить в церковь, поститься, делать крестные ходы со святыми иконами по городу, кругом и пели молебны почти во всех домах.

В июне же месяце за Тюменкою был пожар днем, который истребил 26 домов обывательских и 3 хлебных магазина крестьянских.

1849 год

По Высочайшему велению Тюменская ярмарка должна иметь открытис с 1 января через один месяц, т.е. по 1-е число февраля каждогодно. По резолюции его Высокопреосвященства от 10-го августа за №3156 сентября 4 дня по отслужении соборно литургии в сей церкви и отправлении молебна икона Спасителя Тарханского вынесена из города Тюмени в Слободо-Покровскую церковь, как собственной той церкви, тогда как Св. иконы сия в сей церкви находились сряду 86 лет, но по ходатайству Покровских прихожан тюменские граждане лишлись достойной Святыни.

1851 год

Его Высокопреосвященство Георгий, архиепископ Тобольский, изволил быть в Тюмени и служил между прочими и в сей церкви. В сем году изволил проезжать через Тюмень член Государственного Совета генерал-адъютант генерал-лейтенант Анненков 2-й, следовавший для обозревания Западной Сибири.

Александр Козловский

Зеркала бабки Агафьи

Что-то, а рассказывать дед был мастер. Правда, бабушка его за это ругала. Но мы с дедом были друзья, и я верил каждому его слову.

— Ты, Саня, только ей не говори ничего, — предупредил дед и покосился в сторону кухни, где громыхала кастрюлями бабушка, и начал свой рассказ.

Мать моего деда, стало быть, прабабка моя, поговаривали, с нечистой силой зналась, но коли у кого что случалось: захворал ли кто, на кого порчу напустили, кому про судьбу узнать — шли к ней. Я тогда мальцом был, а прабабка моей, Агафье Петровне, за восемьдесят перевалило.

И жил в нашей деревне крепкий хозяин Степан Тузов. Все у него в хозяйстве ладилось, только овдовел рано. Жена его умерла, и остался он с сыном трехлетним — Алешкой. Запил с горя. Хорошо хоть соседи надомили к бабке Агафье сходить. Пришел Степан к ней, мол, научи, бабушка, как дальше быть. Выслушала она его и говорит:

— Вот что, парень, жениться тебе нужно: и тебе легче, и сыну мать будет.

Степан отвечает:

— Я бы и рад, да жену забыть не могу. Только глаза закрою — она передо мной стоит, плачет, до того ее жалко становится, что хоть веревку на шею.

— Помогу я тебе, — утешает его Агафья и дает Степану снадобье. — Вот, — говорит, — выпей, и легче станет. Только не води сына на то место, где его мать похоронена — худо будет.

Степан и впрямь женился. Хорошую девушку за себя взял. Прожили они год и случилось, что умерла у Степана мать. Дело было осенью. Повезли хоронить старуху, а Алешка за мачехой увязался. Она его домой гонит, а он ни в какую. Что делать? Взяли его с собой на кладбище. А там пока слова да слезы, пока то да се, поглядели — нет мальчика-то. Стали искать. Смотрят, а он на могиле своей матери сидит и листьями опавшими играет. И надо же, никогда не видел этой могилы, а тут говорит:

— Здесь моя мама лежит.

Вспомнил Степан Агафьин наказ, схватил сына на руки и скорей от того места подальше. Только Алексей-то стал его просить:

— Пусти меня, тятенька, я сам пойду.

Ну Степан и пустил.

Тут все домой пошли. Бабы идут, плачут, мужики о чем-то своем говорят, а Алексей то к одной женщине пристанет, то к другой, а те отмахиваются — не до него всем. А одна возьми да брякни:

— Да черт тебя забери!

И только сказала она это, налетел сильный вихрь, на людей такой страх напал, что все на землю попадали. Очнувшись — все как прежде, будто и не было ничего. Огляделись кругом, а на том месте, где стоял Алексей, ветер желтые листья кружит. Ну, все, понятно, перепугались, а Степан — скорее к моей прабабке.

Прибежал, а Агафья уже на крыльце стоит, его поджидает. Увидала Степана и давай бранить:

— Говорила я тебе, что нельзя мальчишке могилу матери видеть. Не послушал — пеняй на себя, больше я тебе не помощница.

Степан упал ей в ноги и стал упоривать:

— Смилуйся, помоги мне, век тебя не забуду, проси что хочешь, только скажи, как сына вернуть.

Ничего не ответила Агафья, а молча вошла в дом. Степан следом за ней идет. Пожалела его бабка и говорит:

— Ничего мне не надо от тебя. Мне уже о смерти пора думать. Обещать не буду, а чем смогу — помогу. Как стемнеет, приходи ко мне.

А я в то время хоть и мал был, но ничего не боялся. Подслушал разговор, захотелось мне узнать, зачем это она ночью к себе Степана зовет. Пробрался под вечер к ней в дом и спрятался на печке за занавеску. Тепло там было. Разморило меня, глаза сами собой и закрылись. Проснулся от того, что кто-то дверью хлопнул. Кругом темно, ничего не видно. Вдруг входит в горницу бабка Агафья, свечу в руке держит, а вслед за бабкой Степан.

В горнице на стене висело большое зеркало, а под ним стоял стол. Достает она еще две свечи, зажигает и ставит на стол так, что они как раз по краям большого зеркала оказались. И говорит Степану:

— Встань у двери, молчи и не двигайся.

А сама порывалась в шкафчике, вынимает маленькое зеркало и кладет его перед большим, да так, чтобы большое в маленьком отражалось, а маленькое в большом. Положила и ну что-то наговаривать.

Пошепчет-пошепчет, да и посмотрит в маленькое зеркало. Наконец подзывает Степана и говорит:

— В маленьком зеркале большое отражается, вот туда и погляди.

Глянул Степан, а прабабка его и спрашивает:

— Узнаешь это место?

— Да, — отвечает Степан, — это болото, что за кладбищем рядом с дорогой.

— Вот там и ищи сына, а ко мне больше не ходи.

На следующий день чуть рассвело, Степан запряг лошадь и поехал на болото. Только стал подъезжать, как услышал вдруг детский плач и по голосу узнал Алешку. Голос слышно, а откуда — непонятно, а кругом такая топь, что шагу ступить нельзя. Вернулся Степан в деревню, собрал мужиков и на болото, да только все напрасно. Мужики, где можно, бродили, да никого не нашли. Голос слышен, а откуда — никто понять не может. Так ни с чем и вернулись. Сильно горевал Степан, сын ведь, да что поделаешь, видать, судьба такая.

А только с тех пор не стало на той дороге покою. Днем ли кто мимо болота едет, ночью ли, ан слышится, что кто-то плачет, да жалобно так, что все внутри переворачивает. Боязно людям стало по той дороге ездить. Дён десять они терпели, а потом собрались всем миром и пошли к попу. Так,

мол, и так, батюшка, говорят, помоги, на тебя вся надежда. А поп отказывается на болото ехать, боится. Насилу уговорили. Приехали, а плач-то еще жалобней звучит. Поп струхнул не на шутку, но все же перекрестился и давай службу служить. И только закончил — плач прекратился, тихо так стало, будто и не было ничего.

А Степан снова запил с горя. Жена у него была с пониманием — не ругала, к бабке Агафье советовала сходить. Он бы и сам рад, да как пойдешь, коли та не велела.

Раз идет Степан вечером пьяный мимо гумна и вдруг слышит — плачет кто-то. Хоть и пьяный был, а испугался. Прибежал в деревню, соседям рассказывает. А те смеются:

— Выпил лишнего, вот тебе и мерещится.

Пошел Степан к Агафье, несмотря на запрет. Та его спрашивает:

— Зачем пришел? Говорила тебе, что не надо ко мне ходить.

Он ничего ей не отвечает, стоит и молчит. Посмотрела-посмотрела она и говорит:

— Ну проходи в дом, коли пришел. Что, сробел, значит, близ гумна-то?

— Сробел, бабушка, — признается Степан.

— Молодец, что правду говоришь, — похвалила бабка. — Подойди-ка сюда.

Подошел к ней Степан, а она прошептала что-то, плюнула ему на голову и сказала:

— Запрягай сейчас лошадь, поезжай на гумно и забирай себе, что в сене найдешь, только смотри, не сробей. А как вернешься, на глаза мне не попадайся, а еще лучше — уезжай. Зла я на тебя больно. Мне и без того из-за тебя худо будет.

Уж не знаю, что там на гумне было, а только приезжает Степан назад в деревню сам весь седой и сына с собой привозит. Алексей-то жив-здоровехонек оказался.

Тут, понятно, народ сбежался, расспрашивать стали: что да как. А он молчит, как в рот воды набрал. У парнишки тоже

спрашивали, мол, где был, да много ли от мальчика добьешься. Только и сказал:

— Бабушка с дедушкой меня на лошади катали, потом к себе забрали, я у них жил. Потом по дому соскучился, стал к маме проситься, а они меня не пускают. Один раз вдруг гром загремел. Они куда-то попрыгали, а я убежал, а потом меня тятенька нашел.

Сколько ни спрашивали его, больше ничего добиться не могли.

Степан после того случая через неделю уехал из деревни, а куда — неизвестно. Перед отъездом подозвал меня, подарил коня деревянного и сказал:

— Передай низкий поклон бабке Агафье.

Что с ним потом стало — не знаю.

А прабабка вскорости слегла. Вот так оно и бывает. Мне бы кто рассказал — не поверил бы, а так сам видел.

Он молча пошарился в ящике стола и со словами: «Вот, с тех времен сохранилось», — поставил на стол резного, потемневшего от времени деревянного коника.

Рис. О.Трофимовой

Слово о мастере

Много белых пятен в истории нашего края. Много людей, чьи имена заслуживают публичного признания, но до сих пор остаются в тени.

Искусство и жизненный путь тюменского художника Вениамина Петровича Барашева (1895-1975) изучены далеко не полно. И я вовсе не пытаюсь описать жизнь сибирского художника, а лишь делюсь с читателем тем, что знаю об этом неординарном человеке.

Мир Барашева — это пространство старой и новой Тюмени, звенящей природы, где все отвечает жизненным реалиям. А еще этот художник обладал поразительным, я бы сказала, загадочным даром проникновения в прошлое. Он не мог равнодушно пройти мимо церквушки, дома с резными наличниками. Изалюбленные мотивы — архитектура Тюмени и ее окрестностей.

В Тюмень семья Барашева приехала в 1906 году. С 1912 года и до пенсии Вениамин Петрович работал телеграфистом. В 20-е годы учился в художественной студии под началом М.И.Авилова, видного советского художника. И учился не зря: ему одному из первых в Тюмени вручили билет члена Союза художников. Но сам он себя художником не считал: «Какой я художник, просто любитель...». Обладал завидной эрудицией. Такого рассказчика, любителя вести неторопливую беседу часами, встречать не приходилось. История, философия, литература, искусство — вот темы, которые он знал широко и глубоко. Но больше всего любил говорить... про грибы.

«Александр Алексеевич! — обращался он в письме к своему другу. — Не надумаете ли вы во вторник или среду сделать вылазку. Надо обследовать кусты и полянки, появилась земляника... Про грибы трудно сказать — погода жаркая».

И такое в каждом летнем письме. В этих коротких посланиях — аромат леса, цветов, грибов. Когда думаю о нем, то всегда приходит на память герой из «Гранатового браслета» Куприна. Наверное, у всех телеграфистов личная жизнь не совсем удачная. Если б Куприн рассказал о телеграфисте тюменском — Барашеве, повесть была бы, думаю, тоже интересной, но не столь печальной. Дело в том, что юному Вениамину было отказано в руке любимой девушки. Мать избранницы, купчиха третьей гильдии, прямо заявила: «Чтоб моя дочь да за художника, да за телеграфиста!? Не бывать этому, пока жива...».

И прожила сто лет. А Вениамин Петрович дождался и женился на своей любимой в 60 лет. Наследников не оставил. Заботило одно: кому завещать книги — главное его богатство. Размышляя, он пишет в одном из писем: «Когда раздумываешь, удачно или неудачно сложилась жизнь, то, поверхностно глядя, можно сказать — удачно, а вот поглядишь на себя иначе: какой след оставил в жизни, то скорбеть приходится. Небольшое богатство мне было отпущено, и из него я пользовался крохами. Не копил, но и щедро не тратил. Кучка несовершенных зарисовок останется, разнесет их ветром, и вся память о художнике развеется...».

Я уже говорила, что собеседником Вениамин Петрович был замечательным. Иногда всплывали такие любопытные факты и события, что не поделить рассказом считаю просто грехом.

Помню, году в 1972-м пришлось побывать дома у художника. Пришла мысль: сфотографировать его, а самое главное — снять рисунки старой Тюмени. Вот тогда-то Вениамин Петрович и рассказал мне историю, связанную с Григорием Распутиным. Отец художника был вроде приказчика, работал на складах одного из магазинов в центре города. И вот однажды ночью постучался к нему человек и сунул в руки записку: «Мил человек, дай энтому человеку штоф водки». Почти в каждом слове ошибки. Писал сам Гришка. Часа три искали ключок бумаги и не нашли. Квартира маленькая, библиотека огромная. На стене только одна картина, все остальное пространство в книгах. Массивный стол, старинное кресло, кованный сундук — вот все, чтобы было в комнате.

Барашев любил и умел писать письма. И хотя многие из них утрачены, но то, что сохранилось, охватывает жизненный и творческий путь художника в 50-70-е годы. Из эпистолярного наследия художника я могу лишь представить читателю его письма своему другу Александру Алексеевичу Рылову.

Письма — искренний разговор с близкими ему людьми — воспринимаются как дневник художника. Описание природы, мысли об искусстве, старине поражают точностью ощущений и восприимчивой. О лете почти нет ни строчки, его он не наблюдал, пропал в лесу. А вот о весне: «Солнце светит ярче и теплее. Щebet во-

робьев, курлыканье голубей, карканье ворон, крики галок. Весело наблюдать воскресение природы...».

В другом письме: «Погоду, краткие дни золотой осени наблюдаю, если не спал, из окна. Уличный колорит пейзажа переменялся из золотисто-зеленого на серо-зеленый, на блестящие тускло панели...».

В письмах ставятся Барашевым вопросы его мировоззрения, излагаются взгляды на искусство и роль художника. «У художника все от себя: линия, цвет и даже композиция... ему, главным образом, запечатлеть настроение момента...». Вениамин Петрович искренен с другом, чьи философские, религиозные взгляды были в той или иной мере близки ему. Текст подкупает искренней любовью автора к прошлому, которое мы с таким сладострастием разрушаем, растаптываем.

Часто Барашев обращается к прошлому, в его письмах излагаются сокровеннейшие мысли о необходимости в любом деле «души». В 1974 году Барашев писал: «Скрашиваю дни чтением, к сожалению, никак не могу втянуться в живопись... Ожидая появления на нашем небосклоне кометы Когоутека. Мне кажется, фамилия Когоутек звучит не по-чешски. В ней чудится что-то древнее, мексиканское, времена инков. 1910 год. Вечерами (кажется, зимой) наблюдали комету Галлея. Прошло три года, и из балканской искры разгорелось пламя 1914 года. Война длилась до 1920 года, а пламя до сих пор вспыхивает в разных точках земного шара. Ничего невозможного нет в том, что и новая гостья начнет вытряхивать из хвоста атомные бомбы и переделывать жизнь Мира на новый лад».

Нельзя отказать художнику и в юморе, но сарказма в нем не было. Любил подшутить над своим безденежеством, почтой, радио. «У меня положение с финансами не лучше, чем у английского

Рисунок Барашева

правления с фунтом стерлингов. А без денег жизнь плохая, не годится куда!..». Или: «Радио у меня второй день бастует, еле-еле слышно какое-то бормотанье, слово отголоски с того света. Газет, писем тоже нет, почта, видимо, опохмеляется».

В.П. Барашев — фронтовик, в боевых условиях делал зарисовки, вел дневник. День Победы для него — день Весны, день воскресения жизни. В поздравительных открытках ощущается настоящий патриотизм, глубокая вера в жизнь.

«Как голые ветви деревьев одеваются в веселый зеленый убор, как прошлогодний лист исчезает под молодыми побегами травы, так и прошлое отходит, как сон, и для молодой человеческой поросли все старые раны разрушенных войной городов, сел невидимы, не существуют. Жизнь идет вперед. Только старое поколение участников минувшей войны помнит все тяготы утомительных походов, чёртовской усталости... Будем надеяться, что новые испытания не нагрянут в ближайшие годы».

Вот таким был замечательный русский художник Вениамин Петрович Барашев, который вошел в историю живописи Сибири как певец старой и новой Тюмени, как мастер городского пейзажа. Но прежде всего это был хороший, красивый человек. Если бы хоть чуточку похожими на таких, как он, могли быть сегодня мы...

О. Майорова,
преподаватель,
г. Нижневартовск.

Миниатюры истории

«О различных необыкновенных случаях, бывших и впредь имеющих быть с 1847 года»

1855 год

Февраля 18 дня в 20 минут первого часа пополудни к всеобщей горести и скорби скончался незабвенный Император Всероссийский Николай Павлович.

На прародительский Всероссийский престол взошел его Императорское Высочество Государь наследник Цесаревич и великий князь Александр Николаевич. Ноября 11 его Высокопреосвященство Евлампий, архиепископ Тобольский и Сибирский и кавалер, изволил быть в Тюмени для освящения Знаменской церкви.

1856 год

Его Высокопреосвященство архиепископ Евлампий по прошению от управления Тобольскою епархией уволен в Свяжеский монастырь Казанской епархии, а на место его переведен Преосвященнейший Феогност Епископ Вологодский, который через Тюмень изволил проехать 17 сентября и отправлять в монастырской церкви благодарственное Господу Богу молебствие по случаю коронавания Государя Императора Александра II.

1864 год

Этот год для прихожан памятен необыкновенным случаем: на 15-е число апреля 1864 года в 6 часов вечера, когда в монастыре начался благовест по всеночному бдению, загорелся дом, в котором в то время помещалась почтовая контора. Этим пожаром истреблено до 500 домов, которые занимали 6 улиц в этой части города. В этом же году при обозрении епархии посетил Тюмень и сию церковь его Высокопреосвященство Варлаам, архиепископ Тобольский и Сибирский. В 1865 году ничего особенного не было.

Вениамин Барашев

Водосвятие в Тюмени (из дневников)

6 января 1921 года, среда

Нынешний год удалось сходить на водосвятие. Прежние годы, словно нарочно, как ни Крещение, так дежурство ночное выпадало. Прошлый год стоял на вокзале в Омске и видел крестный ход, идя из эшелона в управление почт-телеграфного округа. Погода была серенькая, народу немного, и город имел занятой вид, совсем праздничного настроения не чувствовалось, может быть, это зависело и от моего большого воображения, удрученного неизвестностью положения и перенесенным тифом.

Зато сегодня вознаградил себя зрелищем водосвятия. Я пришел к Знаменской церкви, когда за ограду выносили иконы. Толпы народа стояли в улице. Бархатные малиново-коричневые хоругви шелестели металлическими украшениями, возвышались над головами людскими. Мне бросилось в глаза незначительное количество шинелей и вообще одежд защитного цвета, господствовал штатский покрой и цвет.

Солнце светило, небо синело, дул теплый ветерок, звон колоколов смешивался с голосами певчих и гулом многотысячной толпы. Дошли до моста, я своротил прямо на реку, в сторону противоположного берега, под которым виднелась синь над прорубью. Иконы и духовенство с частью народа пошли через мост берегом к Никольской церкви. Сверху, с берега, к Иордани вела аллея из воткнутых в снег елочек. Кучи ребятишек и взрослой молодежи немилосердно обципывали ветки, стараясь захватить на память хоть прутик от крещенской елочки.

Много народу пришло с бурчками, с бутылками для святой воды. Наверху, начиная от собора Благовещенского и до самого низа моста, стояла черная стена народа, опираясь на перила. У Затюменки тоже виднелось много людей. Часть реки от края до края наполнил народ, чернея на блестящем снегу. По сторонам стояли лошади приехавших горожан и крестьян. Заречная сторона берега под Георгиевской церковью усыпана была народом, который стоял на берегу, словно в цирке, уступами. Пестрели в толпе красные, пестроцветные платки, шубы, румяные лица.

Я встал на уступ берега на сажень от уровня льда. Ребятишки лазили по скату берега и, скользя, подталкивали взрослых. Какой-то солидный гражданин под самым моим носом шлепнулся и поехал вниз под смех стоящих граждан. «Еще девять раз», — пожелал я ему вслух. Бабы негодовали на ребят. Одна тетка особенно расходилась. «Жеребцы, право жеребцы. Все бы им баловать да портить!». «Родители виноваты, плохо воспитывают, — поддержала ее соседка. — Вон его мать ищет, а он бегаёт от нее, озорничает, мать тут не виновата!».

Одному мальчугану строгая мамаша оала затрецину, и он спрятался от нее в толпе. В стороне мальчуганы барахтались, боролись, а где так и взаправду начинали по мордасам друг дружку лупить. Шум стоял от говора народа и ржания лошадей. Напоминало ярмарку.

Водосвятия около часу дожидали, в Заречной церкви обедня не отошла, и поджидали конца литургии. Вот в разных концах толпы, заполнявшей промежуток меж берегами, выпустили голубей, засвистали, закричали, и голуби высоко взмыли над рекой, сверкая белыми крылами, словно «дух в виде голубине» белели они в синеве неба. Их выпустили несколько десятков под неумолчный свист.

Наконец-то на колокольне слабо звякнул маленький колокол, через минуту весело зазвенели остальные, и полился перезвон, возвещавший окончание обедни. Скоро стали расчищать дорогу, в толпе и наверху показались хоругвеносцы, женщины с иконами и стали спускаться по крутому берегу к Иордани. Каток был спуск: и батюшек, и женщин, и тех, кто нес кресты, иконы, поддерживали со стороны. Стали спускать образ Божией Матери. Он был тяжел и на спуске очень трудно приходилось носильщикам. Я ступал по берегу хорошо, не скользил и поэтому, подойдя к носильщикам, взялся за ручку носилок и до самого спуска помогал спускать образ. Заречный образ Св. Георгия не стали спускать по причине массивности, и икона, блестя золотом и серебром, высилась над черными рядами народа.

После водосвятия прошел в церковь, где столпилась масса народа, ожидая епископа Иринырха. Я всего лишь второй раз был в этой церкви и оглядел ее полутемную внутренность. Много старых икон, в притворе — большое изображение страшного суда в иконописной компановке. Я прошел вперед и вслед появилось духовенство. Седовласый, высокий дьякон старчески высоким голосом возгласил многолетие, певчие подхватили: многие лета, многие лета!

Епископ благословлял народ, священник стал прикладывать ко кресту и кропить святой водой. На меня брызнуло изрядное количество воды, но ко кресту приложиться не удалось за теснотой. Возвращался по реке. Народ с водосвятия шел толпами, ехал на лошадях.

Много было народу, говорили, что лед даже треснул, но, очевидно, еще не так много собралось в тот год. Я слышал, как одна старожилка вспоминала: «В прежние-то годы черно от народу на реках было, от берега до берега, крестьян-то понаедет, все лошадыми заставят. Бабы нарядаются в темные шали, шелковые платья. Теперь и есть у кого — спрячут». Воображаю, какое приятное для глаз зрелище представляла прежняя толпа, разодетая по-праздничному.

Остяки снимали скальпы...

Венгерский лингвист Йозеф Папай в составе экспедиции графа Зичи в 1899 году побывал на Обском Севере. 11 июня того же года в Тобольске он поделился своими наблюдениями перед сотрудниками Тобольского губернского музея.

Они сводились к следующему.

Обдорские остяки говорят языком, испорченным влиянием самоедского (немецкого). В Березове — влиянием вогульского, чистый язык сохранился на промежуточных местах, а также на реке Сынье.

В былинах низовых остяков фигурируют боги, а у иртышских остяков — богатыри.

Лонг — добрый дух. Их много. Папай узнал имена 21 лонга. Именуют их по урочищам. В случае нужды шаман вызывает лонга и спрашивает, может ли он исполнить просимое. Если нет, вызывает второго, третьего, пока не откликнется дух, готовый служить. Шаман объясняет

его имя и указывает, какую жертву ему принести.

Священных мест у остяков много, это все места, где обитают духи, по утверждению шаманов.

Папай предполагает, что прежде остяки жили далеко южнее. Может быть, они были соседями Персии. Где-то на Алтае он называл озеро с остяцким названием. Может быть, отсюда заимствованы разные изображения.

На бубнах шаманских нередки изображения ящерицы.

Вогулы во всем подобны остякам, кроме языка. Культ медведя сильнее развит, выражен у вогулов, потому что они живут в лесной стороне и чаще встречают медведя.

Судя по былинам, остяки прежде, когда воевали, снимали с врагов скальпы и сохраняли их как трофеи победы.

Татуировка у женщин нередка. Татуируют кожу над больными местами.

Имеющиеся в Тобольском музее большие остроголовые идолы очень часто встречаются в красивых местах среди деревьев. Это тоже духи очень сильные, спосібные и на добро, и на зло, и это не лонги. Этих духов остяк легко может обмануть.

Названия племен и групп самоедов происходят от характерных особенностей местности обитания: например, «нях самарнах» — соболиные самоеды, живущие в районах, где много соболей.

Папай проводит аналогию в процессе производства разных работ у венгров и остяков. В частности, венгры окончательно отделяют коноплю выколачиванием ее колотушкой на камне, то же делают тобольские остяки, обрабатывая крапиву на волокно.

В. Дьячков,
доцент.

Миниатюры истории

«О различных необыкновенных случаях, бывших и впредь имеющих быть с 1847 года»

1866 год

Воззрение Высокопреосвященнейшего Варлаама, архиепископа Тобольского и Сибирского, на великое явление в мире, замечаемое в периодическом увеличении и оскудении вод. Относительно этого он, между прочим, говорит: «Все ученые, наблюдавшие над морями, или не могли, или не хотели отыскивать основных начал для прибыли и убыли вод на Земном шаре. Большие снега, таяние оных поспешное, большие дожди и разливы рек, конечно, могут наполнять озера ненадолго и не на несколько лет сряду, равно как и уменьшать объем воды. Для этого должны быть более основные начала. Эти основные начала, я полагаю, заключены в том: 1) что с первыми кругами солнца до 28 лет воды должны возвышаться и в последние годы несколько уменьшаться; 2) но как по истечении 28-летнего круга солнечного новым кругом луны бывает уже десятый по числу, то большему оскудению вод и он будет препятствовать, следовательно и 2-й 28-летний круг может прийти только в незаметном оскудении воды; 3) но когда будет истекать 2-й (второй) 28-летний круг солнечный, а круг луны девятнадцатилетний начнется почти вместе с солнечным, ибо в 2 кругах солнечных считается 56 лет, а в трех кругах лунных — 57 лет, разность будет только в год, тогда, т.е. через 56 лет, от давления двух огромных светил воды, естественно, должны прибывать и возвышаться; 4) поэтому-то, конечно, в конце прошедшего столетия воды, естественно, стали уменьшаться в озерах, потому что оба круга — и солнечный, и лунный — совершенно окончились, через 28 лет они стали, вероятно, вновь прибывать, быть может, до конца текущего 1483 Индиктиона.

Далее его Высокопреосвященство изволил сделать следующее распоряжение: «Дабы этокое мое воззрение на великое явление в мире было не без пользы, то прописать оное в указах всем по епархии причтам с тем, чтобы они все ввели оное непременно в памятные церковные книги и при увеличении вод, и при оскудении поверяли бы эти годы от 83 Индиктионом, в коем круги солнечные и лунные идут преемственно через целые тысячелетия, и все отступления от этих мною открытых законов природы записывали бы в те же книги обстоятельно и подробно, как и в чем будут уклоняться от сих законов, от каких именно случайных причин, от разлива ли рек, или от больших снегов и дождей и прочее. Такое распоряжение его Высокопреосвященства прописать в указе консистории от 14 апреля сего 1866 г. за №3330 передано в сию церковь от благочинного в копии от указа тюменского Д. Правления от 22 апреля сего 1866 г. за №339.

В сем же году по желанию прихожан церковным старостою потомственным гражданином Иваном Кондратьевичем Шешуковым начато дело о возвращении в свою церковь иконы Нерукотворного образа Спасителя, именуемого Тарханским и по случаю отказа епархиального начальства подано обстоятельное прошение в Святой Правительствующий Синод. История этой иконы в коротких словах следующая:

в 90 верстах от Тюмени, в 12 верстах от слободы Покровской со времени покорения Сибири, в Тарханских юртах был остропок или военный поселок из русских казаков, у коих была часовня, и в числе 14 икон находилась в ней икона Нерукотворенного образа Спасителя, с которою они бывали в военных походах. В половине прошлого столетия по ненадобности военного поста казаки были пересланы или на Ишимскую линию, или в Ямскую слободу, что то же, что нынешнее за Тюменку. Приход Крестовоздвиженский, именовавшийся прежде Воскресенским г. Тюмени, в ведомство Тюменской Воеводской канцелярии. В 1751 году в отсутствие казаков в командировку и на смотр в Тюмень дознано было Преосвященным митрополитом Сильвестром, что в Тарханах есть ветхая часовня и в ней иконы. Он, подозревая то, не раскольническая ли это часовня, повелел приказчику своему при слободе Покровской Изуграфову взять эти иконы как в ближайшую Покровскую церковь, хотя она вовсе не могла быть ее принадлежностью. Казаки, возвратившись в Тарханы с командиром своим Владимиром Тонких и не найдши в ней своей святыни, завели дело с приказчиком Изуграфовым, которое доходило и до митрополита, но иконы оставлены были пока в Покровской церкви на том основании, что часовня пришла в совершенную ветхость, а казаки выселялись в Тюмень в свой приход. Поэтому казаки, будучи уже прихожанами новой своей Воскресенской церкви, приговором в июле месяце 1763 просили Преосвященного митрополита Павла 14 икон, хранящихся в Покровской церкви, разрешить перенести в их новую приходскую церковь. По рассмотрении этого дела иконы в том же году по резолюции того Архиепископа поставлены были в церковь Воскресенскую и находились в ней до 1849 года, а именно: 86 лет. В 1849 году во внимание к одному только тому, что икона Спасителя временно хранилась не как принадлежность и собственность в Покровском приходе, и что Тарханские юрты отстоят от слободы Покровской в 12 верстах, т.е. в округе будто бы Покровского прихода, епархиальным начальством отдано распоряжение, по которому отобрана из сей церкви икона в собственность Слободо-Покровской церкви. Результатов по этому делу решительных доселе еще не оказывается.

На Старо-Северном кладбище

В течение нескольких лет я собираю сведения о военных госпиталях в г. Омске и на территории области в период 1941-1945 гг. По моей просьбе в госархиве Омской области был снят гриф «секретно» с ряда документов, характеризующих работу госпиталей.

Вот сведения.

В гор. Омске размещалось 20 госпиталей. В Исилькуле, Называевское, Калачинске — по одному госпиталю. В Тюмени — 11 эвакуогоспиталей. В обслуживании было занято до 52 тысяч человек, в том числе медперсонала 7249 человек, из них врачей — 607.

За годы войны госпитали приняли 156598 человек (в том числе больных 13198

человек), возвращено в строй и убыло на фронт — 101715 человек, отправлено в другие специальные лечебные учреждения — 51658, уволено по инвалидности — 1926 человек, умерло от ран и погребено 1296 человек.

Интересная деталь: точное число умерших установить трудно, а подчас и невозможно. В 1941-1943 гг. умерших в госпиталях Омска и в районах нашей области хоронили где попало. Книг погребений нет, и чудом сохранилась могила на воинском Старо-Северном кладбище, остальные погребения уничтожены при сносе кладбища. Есть одна хитрость в учетах: те, кто умер в гарнизонных госпиталях, входящих в состав НКО СССР, в учет не

попали. Вряд ли кто может сказать, где погребены умершие в военно-санитарных поездах по пути в Сибирь.

Посылаю вам список погребенных в Омске жителей Тюменской области. Я имею все основания утверждать, что многие погребенные в могилах до сих пор остаются пропавшими без вести. В 1990 году я нашел родственников умерших в госпиталях Омска двух солдат, родственники ничего не знали о них с 1943 года.

Нет ли аналогичного и в Тюменской области? Если да, то, может, начать изучение погребений? Буду признателен вам за ответ. Если потребуется, вышлю дополнительные сведения.

Список военнослужащих, погребенных на воинском участке Старо-Северного кладбища с октября 1943 г. по март 1945 г.

Тюменская область
(по материалам госархива Омской области).

1. Илюшкин Михаил Митрофанович, 1897 г. рождения, курсант, место призыва в армию и место жительства неизвестны. Находился на излечении в ОВГ-335 (Омский военный госпиталь 335). Ряд 4, могила 1, погребен 7.10.43.
2. Бесперстов Василий Филиппович, 1897 года рождения, красноармеец. Тюменская обл., Тобольский р-н. Находился на излечении в ОВГ-335. Погребен 10.10.43, ряд 4, могила 3.
3. Ануфриев Митрофан Егорович, 1906 г. рождения, красноармеец, г. Салехард, ОВГ-335. Погребен 23.11.43, ряд 4, могила 29.
4. Семенистов Алексей Максимович, 1917 г. рождения, красноармеец. Тюменская обл., Голышмановский р-н, ОВГ-335, батальон выздоравливающих. Погребен 15.12.43, ряд 5, могила 15.
5. Дмитриев Виктор Николаевич, красноармеец. Больной находился без сознания, сведения о себе не сообщил, проходил службу в/ч 93230. ОВГ-335. Погребен 20.12.43, ряд 5, могила 25.
6. Бортовин Арсентий Федорович, 1905 г. рождения, красноармеец. Тюменская обл., д. Салопара. ОВГ-335. Погребен 26.01.44, ряд 6, могила 12.
7. Земляных Григорий Антонович, 1893 г. рождения, красноармеец. Тюменская обл., Абатский р-н, Максимовский с/с. ОВГ-335, погребен 10.02.44, ряд 6, могила 29.
8. Мартынов Виктор Филиппович, 1894, красноармеец. Тюменская обл., д. Екатериновка. ОВГ-335, погребен 19.02.44, ряд 6, могила 30.
9. Сурдеев (Сурадеев) Николай Яковлевич, 1925 г. рождения, красноармеец. Г. Тюмень. Проходил службу в в/ч 05743. ОВГ-335. Погребен 7.02.44, ряд 6, могила 39.
10. Громыздов Иван Филиппович, 1898 г. рождения, красноармеец. Тюменская обл., Викуловский р-н, д. Бобры. ОВГ-335. Погребен 10.02.44, ряд 6, могила 12.
11. Иванов Федор Клементьевич, 1904 г. рождения, красноармеец. Тюменская обл. ОВГ-335. Погребен 15.03.44, ряд 6, могила 56.
12. Серов Василий Александрович, 1925 г. рождения, красноармеец. ОВГ-335. Погребен 15.03.44, ряд 6, могила 37.
13. Квашнин Яков Дмитриевич, 1901 г. рождения, красноармеец. Тюменская обл., Викуловский р-н. ОВГ-335. Погребен 11.03.44, ряд 7, могила 12.
14. Гусев Павел Иванович, 1897 г. рождения, красноармеец. Тюменская обл., Абатский р-н. ОВГ-335. Погребен 11.04.44, ряд 7, могила 48.
15. Шипицын Анатолий Прокопьевич, 1925 г. рождения, красноармеец. Тюменская обл. ОВГ-335. Погребен 14.04.44, ряд 7, могила 49.
16. Савалев (Савельев) Анатолий Михайлович, 1916 г. рождения, сержант. Тюменская обл., Березовский р-н, п. Ванзетур. Эвакогоспиталь №1397 (э/г 1397), по-видимому, направлен с военно-санитарного поезда. Погребен 21.04.44, ряд 7, могила 61.
17. Чувосин Илья Иванович 1907 г. рождения, красноармеец. Г. Тобольск. ОВГ-335. Погребен 6.12.44, ряд 10, могила 20.
18. Ширококов Сергей Федорович, 1900 г. рождения, красноармеец. Тюменская обл., д. Девятково. ОВГ-335. Погребен 10.10.44, ряд 10, могила 31.
19. Розарев Павел Николаевич, 1903 г. рождения, капитан. Тюменская обл., Ярковский р-н. ОВГ-335. Погребен 26.02.45, ряд 11, могила 7.
20. Линушин Фатт, 1907 г. рождения, красноармеец. Тобольской р-н, д. Коздебаево. ОВГ-335. Погребен 18.04.45, ряд 3, могила 5.
21. Воронцов Георгий Анисимович, 1913 г. рождения, красноармеец. Тюменская обл., Тюменский р-н, д. Луговая. ОВГ-335. Погребен 3.05.45, ряд 3, могила 18.
22. Азаков Назар Константинович, красноармеец. Тюменская обл., Добровский р-н. ОВГ-335. Погребен 3.05.45, ряд 3, могила 19.
23. Чиянов Александр Сергеевич, 1927 г. рождения, красноармеец. Тюменская обл. Погребен 4.04.45, ряд 3, могила 31.
24. Дуговая. Неизвестная глухонемая.

Единственная женщина, погребенная на участке военных могил. Всего на данном участке примерно погребено около 600 (сейчас 598).

Погребение в апреле 1945 г., маркировка погребения — ряд 3, могила 32.

Пока тайна погребения не раскрыта, существует много гипотез. Одно бесспорно: женщина, не состоявшая на военной службе, на данном участке кладбища погребена быть не могла, именно состоявшая на военной службе и имевшая воинское звание.

Ференц Надь,
г. Омск.

Исчезнувшая деревня

Деревня Норминка, возникшая в столыпинские времена, располагалась на неудобных землях. То ли переселенцам было отведено это место по воле губернского переселенческого начальства, то ли ехать дальше в Сибирь не было сил. Так и остановились они в этих низменных местах, покрытых солонцеватыми пустошами и болотами.

Отсюда пошли фамилии Гладуновых, Басалаевых, Немчиновых, Трехлебовых и других. Дед Трехлебов, имевший трех сыновей, рассказывал, как в 1909-1913 гг. возле деревни строилась железная дорога. Многие норминские подряжались валить лес, выворачивать пни, копать землю и возводить насыпь. Жили небогато, но сами себя кормили, подати платили исправно.

После постройки железной дороги часть крестьян перешла работать на железную дорогу в Скакуново, РЗД-35, Карасульскую и др.

Гражданскую войну деревня пережила без особых трудностей. Мужики, повоевавшие на германской, не особенно рвались служить ни белым, ни красным. Землей владели, отбирать ее никто не собирался, поэтому мужики в это смутное время подались в леса от разного рода мобилизаций. Но когда в 1920-1921 гг. начали отбирать скот и выгребать из амбаров зерно, эти же самые мужики достали спрятавшие винтовки и стали убивать продотрядников. Так, у станции Карасульской на мосту через реку повстанцы разобрали путь, подготовив крушение бронепоезду, идущему из Ишима на усмирение.

Повстанцы из Норминки и Камышинки, Казармы между Скакуново и Карасульской разобрали путь и рельсы, спустили в колодец. По рассказам старожилов, когда подошел бронепоезд и командир предъявил жителям этих деревень ультиматум, рельсы из колодца были вытащены. На месте бывшей Казармы и переезда сейчас ничего не осталось, нет и деревни. На заброшенном кладбище возле железной дороги растут четыре тополя, посаженные в память о четырех братьях из деревни Норминка, расстрелянных, одни говорят, карателями, другие — повстанцами. Хиреть деревня начала в коллективизацию. Не желая идти в колхоз, норминцы в основном осели на железной дороге. Отсюда пошли целые династии железнодорожников, потомки которых продолжают трудиться и сейчас.

Норминцы были тверды в своей вере Богу. Какие только лишения они ни испытывали, но от веры не отказались. И поныне от ст. Карасульской до Голышманово многие хранят веру баптистского толка.

Как-то к концу рабочего дня автор этих строк возвращался с бригадой домой. Зашел по служебным делам в помещение дежурного по разъезду №35. Дежурный Г., он же председатель местного комитета, сидя на корточках у открытой топки печи-голландки, жег церковные книги на раскаленных углях, шуруя клюкой и матерясь, так как толстые книги горели плохо. Предыстория этого случая такова.

Г. человек был несерьезного поведения, пьянствовал, с женой разошелся, так как

она ему заявила, что на Иисуса Христа его не променяет. Г. нужно было опохмелиться, он пошел по поселку, определяя по запаху, где, из какой трубы несет брагой. Проходя мимо своего дома, где он не жил, услышал какой-то вой, ставни окон были закрыты, и он начал стучать в двери. Вой прекратился, но двери не открывают. Тогда он взял полено и начал им бить в дверь. Когда двери отворились, он ворвался в избу и в темноте увидел такую картину: по всему полу избы стояли на коленях старики и старухи, многие из них держали в руках книги и молились.

Г., не веривший ни в бога, ни в черта, стал всех брать за шиворот, подтаскивать к порогу и выбрасывать за дверь, предварительно отобрав книгу. Так он разогнал сход баптистов, собравшихся со всей линии на молебен. Придя на следующий день на дежурство, он принес берем книги, которые и сжег в печи. Это было в 1950 году.

Книги эти, по всей вероятности, были привезены еще бабушками с далекой родины, возможно, рукописные или первопечатные, во всяком случае исторически бесценные.

Так уходят в глубь веков целые пласты истории и деревни, и люди, и всё, что с ними связано.

В. Коптелов,
заведующий железнодорожным музеем.

Миниатюры истории

«О различных необыкновенных случаях, бывших и впредь имеющих быть с 1847 года»

1868 год

9 мая в 2 часа по полудни проездом в Москву приехал в Тюмень давно ожидаемый Высокопреосвященнейший Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. Он остановился в монастыре, причем духовенством по входе его в залу принесен был хлеб и соль. За что духовенство удостоилось принять от его Высокопреосвященства благодарность. Владыка, между прочим, входя в положение духовенства и рассуждая об улучшении быта его, высказал мысль, что ему желательно было бы вместо отведенной причтам земли предоставить им пользоваться от прихожан рукою, не имея дела с прихожанами, а прямо из магазинов и без недоимок. 10-е число его Высокопреосвященство употребил на отдохновение после столь долгого и трудного пути. Впрочем, вечером с О. Архимандритом Владимиром посетил известного в Тюмени усердием к украшению храмов купца Семена Михайловича Трусова и его приходскую церковь, причем упредил духовенство, чтобы при проезде его мимо церкви ни звона, ни официальной встречи не было. 11-го числа в 6 часов утра его Высокопреосвященство Высокопреосвященнейший митрополит Иннокентий отправился к месту назначения, благословив все духовенство, каждого порознь, благодарил его за усердие при встрече и проводах.

27 июля в проезде из Тобольска осчастливил посещением Тюмени его Императорское Высочество великий князь Владимир Александрович. По приезде в город в 7 часов утра его Высочество прямо из экипажа вошел в Спасскую церковь, слушал божественную литургию, совершенную О. Архимандритом Владимиром с прочим градским духовенством. После литургии остановился на отведенной квартире купца Ивана Трусова, в тот же день осматривал частные заводы и фабрики, а с 6 до 8 часов вечера изволил быть на выставке, устроенной тюменским обществом из местных произведений; вечером же был в публичном загородном саду, где собственноручно посадил приготовленный на память посещения его Тюмени кедр. 28-го числа, в воскресенье, его Высочество со свитою изволил слушать литургию в Тюменском Троицком монастыре, которая совершена также О. Архимандритом Владимиром с градским благочинным и некоторым приходским духовенством равно как и в Спасской церкви. В сей же день его Высочество между прочими обозрениями посетил и вдову — купчиху Евдокию Иконникову, в доме которой при муже в 1837 году проездом в Тобольск и обратно останавливался Августейший родитель его Государь Император, будучи Цесаревичем. 28-го же числа в 2 часа пополудни Великий князь, сопровождаемый гражданами, выехал из Тюмени на Екатеринбург.

Лето в сем 1868 году было чрезвычайно засушливое. С весны хотя и были дожди, но небольшие, а с 13 мая до 18 июня не было и вовсе, отчего яровые посевы не принесли почти и посеянного зерна. С 18 июня до половины августа также дождей не было. Но несмотря на это, ржи были отменно хороши. Во все лето и осень в тюменских и смежных округах горели боры и тундры, отчего был такой туман, что в тихую погоду среди дня едва можно было видеть солнце. Осенью от неосторожности произошел пожар на лугах и в дачах тюменских городских жителей, большая половина сена сгорела, от этого оно осенью и зимой сдородило и продавалось от 20 до 25 коп. серебром за пуд.

К 60-летию Салехардской овощной опытной станции

В начале была станция...

Начало практическому земледелию в округе положили в 1931 году первый агроном Ямала Б.В.Патрикеев и командированный Наркомземом СССР научный сотрудник М.М.Куричев, спланировавшие первый гектар пашни и парники на 70 рам в так называемой неуставной артели (подсобное хозяйство рыбокомбината) за рекой Шайтанкой.

Решение о создании овощной опытной станции в Обдорске было принято окрисполкомом в 1932 году по предложению Б.В.Патрикеева. В 1933 году были проведены первые опыты по выращиванию китайской капусты «пет-сай» и брюквы сорта «Красносельская». В это время округ располагал уже двадцатью двумя гектарами общественных посевов. На девяти гектарах выращивался картофель (пока несортовой), на остальных — сортовые культуры: капуста, репа, брюква, турнепс, редис. Овощи закрытого грунта: огурцы, салат, укроп, зеленый лук, редис — были размещены в парниках на 720 рам и теплицах на 132 квадратных метрах. Урожай картофеля составлял в среднем 100 центнеров с гектара, капусты и турнепса — по 120, брюквы — 100 центнеров. С одной парниковой рамы получали по 20 штук огурцов, по четыре килограмма салата, шесть — редиса, 2,5 — укропа и много зеленого лука. Урожайность первых тепличных культур составила: огурцы — десять штук с квадратного метра, салат — три килограмма, зеленый лук — четыре килограмма.

В 1934-1935 годах на станции выращивались капуста-кольраби, репа, цветная капуста, проводилось испытание 12 сортов белокочанной капусты, но урожаи были очень низкими, в то время как Салехардская неуставная артель в 1933-1935 годах в производственных условиях получала урожай капусты сорта №1 по 200-300 центнеров с гектара. В 1935 году станцией ставились опыты по культуре картофеля, изучались сроки посева огурцов и помидоров.

В 1935-1936 годах наивысший урожай огурцов в закрытом грунте был всего четыре килограмма, а помидоров — 4,5 с квадратного метра. Причинами этого было плохое состояние теплиц и парников, не-

соблюдение правил агротехники, отсутствие любовного отношения к делу у бывших руководителей станции: первый директор спился, второй умер по дороге в Салехард, третий бросил работу, не составив отчета. По некоторым вопросам отдельные овощеводы-любители и хозяйственные организации ушли далеко вперед нее. В 1936 году в округе было уже 30 гектаров посевных площадей, парников на 1340 рам и 1630 квадратных метров теплиц. Урожай картофеля достигали 100 центнеров, капусты, репы и брюквы — 200, турнепса — 60-80 центнеров с гектара. В парниках и теплицах хозяйства получали неплохие урожаи огурцов.

К этому времени в Салехарде окружным земельным отделом были проведены три сельскохозяйственные выставки. Образцы выращенных здесь картофеля, овощей и зерновых были выставлены и в областном центре — Омске.

Но, как говорится, «в науке и отрицательный результат — результат». Поэтому нельзя не отдать должное первым научным сотрудникам станции агрономам Н.И.Астрову и В.Малыгину, проводившим опыты на голом энтузиазме, без элементарного материально-технического обеспечения.

Осенью 1936 года в порядке укрепления кадров директором станции был назначен окружной агроном Б.В.Патрикеев, прошедший перед этим четырехмесячную стажировку на Полярной опытной станции в Хибинах у будущего академика И.Г.Эйхфельда. Он привез в Салехард ценный семенной и посадочный материал.

В первую очередь им были приняты меры по приведению в порядок тепличного и парникового хозяйства.

За счет средств станции, полученных от реализации продукции, к осени 1937 года были капитально отремонтированы все квартиры, а девять квартир лучших рабочих — радиофицированы, построена баня. Станция впервые получила телефонную связь с городом.

Летом 1937 года было организовано испытание восьми сортов картофеля, полученных в Хибинах и уже проверенных на полях неуставной артели. Лучшим по урожайности оказался сорт «шестинедель-

ный», впоследствии получивший широкое распространение на полях округа.

В 1937-1938 годах проводились исследования по сортоиспытанию и разработке агротехники помидоров в теплицах. Была доказана возможность получения двух урожаев в год и непрерывных сборов с 15 июля по 15 октября без искусственного освещения, определены наиболее подходящие сорта: «буденовка», «чудо рынка», «спаркс трибовский», которые сразу же начали внедрять в производство.

В эти же годы станцией проведены успешные опыты по сортоиспытанию и агротехнике огурцов в клинских (зимних) теплицах, в частности, по получению двух урожаев в год (первый рамооборот — «клинские», второй — «муромские»). Начиная с 1937 года здесь стали получать первые огурцы уже 10-15 апреля, а к 1 мая они поступали в продажу.

С 1937 года станция начала заниматься цветоводством (А.И.Гордеева), что имело особое значение на Севере. Испытывалось более 25 видов, но для постоянного выращивания отобраны астры, гвоздики, левкои, флоксы, львиный зев, циннии, анютины глазки, многолетний мак. Первые цветы в теплицах срезали к 1 мая. До первого октября для озеленения города и любителям было реализовано 5286 корней. Первого октября 1937 года станция через газету предлагала цветы населению.

По результатам опытов этих лет вышло несколько печатных работ: большой доклад Б.В.Патрикеева на втором расширенном пленуме комиссии Крайнего Севера ВАСХ-НИЛ «Сельское хозяйство Ямало-Ненецкого национального округа Омской области», его статьи «Семеноводство на Крайнем Севере» в журнале «Советская Арктика» (июль 1938 г.) и др...

В 1938 году площадь посевов в округе составляла 72 гектара, парниковое хозяйство — 1200 рам, тепличное — 1372 квадратных метра.

Н.Патрикеев,
ученый-агроном, действительный член
Российского географического общества

Миниатюры истории

«О различных необыкновенных случаях, бывших и впредь имеющих быть с 1847 года»

1870 год

В сем году был общепархиальный съезд депутатов от духовенства всей Тобольской епархии в г.Тобольске с 15 по 30 июня, на котором постановлено: состоящее в Омске духовное училище по малому числу учеников и дороговизне содержания закрыть и перевести оное в Ишим, как центральное место для большинства округов Тобольской епархии. Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнейший Варлаам обозрел округа Тюменский и Ялуторовский в апреле месяце как в передний, так и обратный путь, не благоволил быть в Тюмени, почему тюменское духовенство и паства остались без архипастырского благословения.

Анатолий Омельчук

Эстафета подвижничества

Очерк

Как-то вполне нечаянно сошлись на моем письменном столе три рукописи: об уральском писателе и путешественнике начала нашего века Константине Носилове; о погибшем в Великой войне лингвисте и этнографе Григории Вербове; о юкагирском поэте и ученом, нашем современнике Гаврииле Курилове. Сошлись случайно три судьбы — яркие, неординарные, подвижнические. Они вроде и не особо связаны между собой, но есть в них нечто объединительное, объединяющее. Несовпадение во времени, несхожесть биографий и разность судеб выявляли, подчеркивали главное — эстафета подвижничества продолжается.

I

Константина Носилова сегодня, пожалуй, можно отнести к прочно забытым. А были времена — начало века — когда его читала вся юная Россия. Он тогда, кажется, владел полярной монополией. Да и как не владеть, ведь за плечами трудные, опаснейшие экспедиции на Полярный Урал, в пещерский край, на Ямал, трехлетняя зимовка на арктическом архипелаге Новая Земля.

Однако Носилов не любил (да, пожалуй, и не умел) живописать свои приключения: главные герои его северных рассказов — мужественные и терпеливые аборигены негостеприимных мест: ненцы, манси, коми. Едва ли не первым в русской публицистике он поднял голос в защиту «париев Севера».

Особое место в творчестве Носилова занимает школьная тема. В сборнике «Среди наших инородцев» половину книги составили очерки «Киргизская школа», «Вогульская школа», «Школа у остяков», «Самоедская школа». Тема эта появилась не случайно — это своего рода социальный заказ прогрессивного издателя Д.И.Тихомирова, с которым Носилов в это время тесно сотрудничал. Тихомиров просил автора не проходить мимо тех редких очагов, «огоньков» просвещения, которые хотя и тускло, но все же благодаря усилиям беззаветных энтузиастов светили и на далеких северных окраинах России.

В очерке «Школа у остяков» он описывает посещение Кондинского монастыря, в котором устроила школу для девочек и мальчиков алтайская калмычка Нина, приехавшая в кондинскую глушь «послужить бедным остякам».

«Как она учила там, я уж не знаю, но догадываюсь, что нужно иметь особенную страсть и привязанность к детям, чтобы решиться целое лето жить в грязной, вонявшей рыбой хижине».

Чувства его, когда он сталкивался с людьми, которые хотели хоть чем-то облегчить жизнь северных «инородцев», послужить на ниве «просвещения» дикаря, были однозначны: «На душе такое чувство, что я готов был позвать первому встречному руку, поздравляя его с зарей новой, лучшей здесь жизни».

До зари было, пожалуй, еще далековато, но когда хочется увидеть ее, можно принять за восход слабый отблеск дальних зарниц.

Калмычка Нина составила для своих школьников простейшую остяцкую грамматику. Что не по силам казалось громаде царского просвещенческого бюрократизма, приходилось выполнять слабым добровольцам. Носилов сам убедился, как Нинины ученицы читали книжки взрослым. Писатель подарил им и свои книжки, выпущенные тихомирсовскими издательствами «Юная Россия», «Детское чтение».

В маленькой вогульской деревушке Нахрачи «десятка с полтора маленьких юрточек с несколькими русскими домами, где живет священник и русский торгош, и где помещается станция для приезжающих чиновников и начальства». Носилов встретился с другой учительницей из Березово. Она жила «убого, бедно, но чисто». Школа располагала библиотекой аж на 16 рублей, и молоденькая учительница могла себе позволить единственное развлечение — лыжные прогулки. Она считала несмысленных учеников очень способными, называла своей «надеждой». Заезжому беллетристу рассказывала о тех простых вещах, которые вводили в недоумение юных таежников: «Детей-вогулов сначала очень смущали часы: им все казалось, что там сидит кто-то, и только после того, как им показали механизм и объяснили, что тут нет ничего сверхъестественного, они, видимо, успокоились и не стали вздрагивать и пугаться громкого боя».

Есть в «Школьных рассказах» Носилова что-то шеманное, проникнутое тоской интеллигента, живущего в безграмотной стране, тоской, связанной с надеждой, что скоро должно же на родине что-то измениться, и он ловит любой слабый лучик, который бы укрепил эту надежду.

Север практически не имел никакой традиции просвещения, и нас должно интересовать любое свидетельство того, как грамота делала первые шаги в этих дремуче-безграмотных краях.

Впрочем, и сам Константин Дмитриевич испытал себя на учительской ниве. Случилось это в самых необычных условиях: на становище Малые Кармакулы на архипелаге Новая Земля, где Носилов впервые в российской истории провел три научные зимовки (1887-1891 гг.).

Спутником его и соратником оказался безымянный православный миссионер, о котором известно, пожалуй, лишь одно: он никогда не терял присутствия духа и оставался добродушен — отец Иона.

Вместе с ним Носилов стал основателем самой северной на нашей планете школы — самоедской.

Русская полярная цивилизация часто выбирала своим провозвестником человека в расе. Самый ли удачный выбор? Ведь ясное русское слово путалось с туманным, как мы еще недавно поголовно считали, словом божьим. Однако под рясой чаще всего скрывался отважный православный человек. Как зачеркнуть подвиг этих безымянных первопроходцев грамоты?

Носилов о своей школе сообщал не без гордости: «Действительно, самая северная, потому что ни на о.Шпицбергене, ни в Гренландии, ни на других островах Полярного моря нет так близко к полюсу школ, и эта школа самая ближайшая его соседка».

Так как в полярном общежитии было тесновато, и другого помещения попросту не имелось, под школьный класс приспособили жилую комнату батюшки-миссионера.

Ни у смиренного Ионы, ни у его добровольного ученого друга педагогического опыта не имелось, но каждый заменял его энтузиазмом и старанием.

«Мы живо принялись за обстановку нашей школы: картины, какие только у нас были, поразвесили по стенам; карты распяли тут же; из заголовков газет вырезали подвижные буквы, выкрасили доску охрой... и даже на печку нашу, которая особенно нам мозолила глаза, занимая большое пространство в комнате, прикрепили несколько случайно попавших в наш багаж платков с рисунками».

Образ миссионера помнится нам религиозным пертерпимцем, который вел за собой толпы беспощадно жадных колонистов, чтобы оборотистее обобрать бедных аборигенов. А что делают наши простодушные бескорыстцы?

Новоземельских самоседов не пришлось агитировать: чрезвычайное убранство класса, красочность и наглядность служили неотразимой приманкой, так что с первого своего урока первый полярный клуб грамоты стал настоящей народным университетом. Состав учащихся привел бы в шок сегодняшнего педагогического методиста: зрелые мужчины в малицах держали на коленах сыновей, вперемежку сидели пожилые самоедки и молодичи с грудными детьми. Школьная программа также повергла бы в ужас: кроме русской азбуки, изучали биографию Богородицы, арифметику — на пальцах, по картинкам из атласа — зоологию, орнитологию и даже энтомологию. Коренные северяне не имели представления о многих вещах, которые столь обычны для нас. Конечно же, новоземельский самосед не мог знать, откуда берется, как произрастает хлеб, что такое заводы и фабрики, железные дороги и остальные прелести промышленной цивилизации.

Школа имела небывалый успех. Может быть, интуитивно, но верно для преподавания было выбрано время глухой полярной ночи. Учебные занятия необычным образом разнообразили глухую скуку зимнего безделья, не отнимая времени у работы и промыслов.

«Училась у нас даже кривая бабушка-старушка и была самым веселым слушателем, и хотя плохо понимала грамоту, но зато чудесно всех передразнивала, кто как читает и учит».

Как бы экстравагантно-дилетантски не выглядела самая северная школа, многие ее ученики добились главного — учились читать и писать. В хороших традициях педагогического поощрения особо прилежные, приемлемо-школьного возраста ученики были вывезены на материк, в Архангельск, где Носилов проводил для них экскурсии. Обратным рейсом регулярного парохода новоземельские отличники,

многие из которых впервые видели «Большую землю», вернулись на родной остров.

Позднее (Носилова на острове уже не было) на Новой Земле появилась настоящая школа. Радением того же безымянного священника для нее выстроили домик на горке, там имела даже библиотека, настоящий глобус и школьные карты. Незаметный русский подвижник Иона продолжал педагогические опыты. Он поддерживал связи с бывшим педагогическим соратником и писал ему о своих приключениях. Одно из них послужило поводом для интересного носиловского рассказа.

Самую северную школу ревизовал «хозяйин» здешних мест.

«С ревизора, — писал, демонстрируя хорошее чувство юмора, отец Иона, — праздножал педагогические опыты. Он поддерживал связи с бывшим педагогическим соратником и писал ему о своих приключениях. Одно из них послужило поводом для интересного носиловского рассказа. Самую северную школу ревизовал «хозяйин» здешних мест.

«С ревизора, — писал, демонстрируя хорошее чувство юмора, отец Иона, — праздножал педагогические опыты. Он поддерживал связи с бывшим педагогическим соратником и писал ему о своих приключениях. Одно из них послужило поводом для интересного носиловского рассказа. Самую северную школу ревизовал «хозяйин» здешних мест.

«Я был ошашливлен таким редким вниманием слушателей моих лекций, которое надолго останется в моей памяти. Просвещенное общество и слушатели отнеслись с живым интересом к делу просвещения самоедов Новой Земли».

Большая судьба не представляла Носилу шанса заниматься педагогической деятельностью. Но неслучайно то, что большинство книг Носилова — детские. Он любил детей, никогда не обходил их вниманием, именно в книгах проявился его нереализованный учительский талант.

II

...В суровом распорядке фронтовой жизни дни рождения солдат красным не обозначены. Разве что повар положит в жестяную тарелку чуть больше гречки... Доброволец, старшина 521-й отдельной роты связи, прикомандированной к отряду артиллерийского штаба армии, Григорий Вербов отпраздновал свое тридцатитрехлетие скромно, только вспомнил:

— Возраст Иисуса Христа и Ильи Муромца.

Значит, все еще впереди...

На следующий день внезапный арнал застал старшину Вербова на телеграфном столбе, где он устранил очередное повреждение. Вербов сам слез со столба, но коллега-лейтенант, подбеджавший к нему, не успел спросить обычное: «Неранило?». Гимнастерка старшины рвано пробита осколком снаряда, по животу расплзалось темное пятно. В госпитале определили: пробит желудок, раздроблен позвоночник.

— Безнадежен, — сказал хирург.

Вербов умер утром, не приходя в сознание. В братской могиле на станции Понтоной хоронили человека, который в свои тридцать три сумел сделать много, а мог свершить еще больше.

Григорий занимался в знаменитом училище на Моховой, известном до революции как Тенишевское. Здесь посещал кружок естественных наук, увлекался книгами о Севере. Отец-полярник — еще

больше возбудил интерес к высоким широтам. Пожалуй, определяющими для жизненного выбора стали каникулы 1925 года. Вербов-сын поехал в Архангельск, чтобы на пароходе «Русанов» совершить переход до Новой Земли, снять с зимовки отца. Этот рослый юноша ехал не пассажиром, трудился матросом. Белые ночи Баренцева моря пленили его навсегда...

Вербов поступил в Институт народов Севера, но здесь не обучали этнографии, и через два года он переехал на этноотделение Ленинградского государственного университета. Здесь встретился с Г.Н. Прокофьевым, и это определило его будущие интересы: он специализируется по «самоедологии», как они в быту называют свою область этнографии. Учитель нашел в ученике то, что устранило их разницу в возрасте, — студент был столь же истово влюблен как в Север, так и в науку. Его упорство, целеустремленность, кажется, не знали преград. Чтобы овладеть разговорным ненецким языком, Вербов на зиму уезжает в большеземельскую тундру, где постигает все оттенки большеземельского диалекта, кочая среди оленеводов с Красным чумом; возвращается в Ленинград всего на несколько недель, чтобы вовремя защитить дипломный проект, и снова возвращается в Нарьян-Мар. В «столице» только что организованного Ненецкого национального округа создается педагогический техникум, и вчерашний студент берет на себя смелость (а что делать? — других кадров нет) заведовать учебной частью и преподавать молодым парням и девушкам из тундры их родной язык.

Между Ленинградом и Нарьян-Маром ведется оживленная переписка: советы практика Вербова очень требуются Прокофьеву — создателю первого ненецкого букваря, который создается на основе большеземельского диалекта.

Григорий возвращается осенью 1932 года, чтобы поступать в аспирантуру Научно-исследовательской ассоциации ИНСа. Это была странная аспирантура: единственный профессор-«самоедолог» руководил занятиями единственного аспиранта.

Прокофьев предлагает тему, чрезвычайно запутанную «усилиями» нескольких поколений ученых, — пянхасоволесные ненцы.

В 1934 году Комитету Нового Алфавита народов Севера, действующему при Всесоюзном ЦК Нового Алфавита, потребовался хоровый специалист для командировки в пуровскую тайгу. Необходимо выяснить, насколько велики различия тундрового и лесного наречий ненецкого языка, не требуется ли для пянхасаво создавать собственный алфавит. ИНСа выступила компаньоном в научном предприятии: трудно придумать более удобный повод для поездки единственного аспиранта-«самоедолога» в интереснейший район.

Транспортные возможности тридцатых годов существенно отличались от нынешних. В одном из вербовских отчетов промелькнет фраза «к сожалению». Он смог в тот сезон посетить лишь лесных ненцев, населяющих берега Агана. Только через два года он попадет на Пур, где тогда начинал строиться новый райцентр Тарко-Сале, и пополнит свои сведения о тамошних жителях.

Кандидатская диссертация Вербова, несмотря на ее сугубо лингвистический характер, — небольшая энциклопедия о лесном народе. Да и могло ли получиться иначе, если практически первым берешься за достоверное описание племени, загадавшего ученым немало мудреных загадок.

Особо Вербова заинтересовало то, что лесные ненцы знали «похосов» — вьючное седло, а вспоминала старину, рассказы-вали о том, что в прежние времена они и седлали оленей, ездили верхом. В тундре же никогда не знали ни вьючного седла, ни верховой езды на оленях.

Когда Вербов начал сравнивать диалект лесных ненцев с наречиями их соседей, то обратил внимание, что особенно близки к пянхасаво энцы и нганасаны. Сильно было влияние и хантыйского языка. Объяснить это нетрудно: племена не только соседствовали. Мужчины четырех родов пянхасаво: Айваседа, Иуши, Вэлла и Пяк — находили себе невест, как правило, в хантыйских родах Бобра, Медведя и Лося.

Вербов привлек к сравнению и камасинский язык. К тому времени ни одного живого камасинца не существовало. Но представителей этого самодийского племени, проживавшего в Саянском нагорье, еще успели застать ученые и записали десяток-другой слов этого самодийского наречия.

Камасинцы обитали на территории, которую можно считать прародиной всех самодийцев. Они никуда не двигались, не уходили со своей земли. Значит, их речь, их говор должен сохранить, «законсервировать» те особенности, которые свойственны языку самых древних самодийцев. И Вербов обнаружил: язык пянхасаво имел с амасинским гораздо больше общего, чем тундровый ненецкий. Получалась закономерная цепочка: камасинский — лесной ненецкий — тундровый. Какой вывод из этого следует?

В великом продвижении самодийцев на Север пянхасаво оказались «арьергардом». Вперед ушли племена, которые обжили тундровые пространства, а племя пяков-айваседа застряло в таежных болотах по Агану, Пуру и Надыму, стало обживать эти места. Места столь глухие, что давние традиции образа жизни оказались более стойкими, нежели влияние близких родственников — тундровиков, которые в новых условиях жизни должны были коренным образом изменить методы своего хозяйствования.

Нет, вовсе не случайно низкорослый пянхасаво навьючивал своего оленя. Это значит, что и древний его предок ездил верхом на олене и возил поклажу на оленьей спине. А нарта вошла в быт оленевода уже там, на Севере.

«Нам кажется вполне вероятным, — формулировал свой вывод Вербов, — что продвижение ненцев из таежной полосы, которую они занимали до своего проникновения в тундровую зону, на Север — к берегам полярного моря, привело к обособлению друг от друга двух частей ненецкого племени: одной, которая осталась жить в северной полосе тайги в между-речьях Оби и Таза, и другой, которая вышла на необъятную тундру и постепенно заняла всю обширную территорию, расположенную между восточным берегом Белого моря к западу и нижним течением Енисея к востоку. Следствием этого обособления и последующего самостоятельного существования указанных двух групп явилось формирование двух племенных групп ненцев — тундровой и лесной, говорящих на различных диалектах ненецкого языка».

Никогда не расстававшийся с фотокамерой Григорий снял одного из последних шаманов пянхасаво: невидный мужичок в худой одежде жмет на спине безропотного пациента березовый прут, делая при этом ритуальные пассы ножом.

Пролежавшая в архивах почти четыре десятилетия вербовская диссертация «Лес-

ные ненцы», изданная учеными Новосибирского академгородка, — не только дань памяти безвременно погибшему ученому, но и свидетельство нестарящегося научного долголетия его работы. Чтобы продолжать изучение пняхасов, вербовский труд необходимо прочесть каждому исследователю. А лесной народ по-прежнему привлекает к себе внимание лингвистов, этнографов, историков, генетиков, фольклористов.

После защиты диссертации Комитетом Нового Алфавита Вербов командирован в Салехард, где должен принять на себя обязанности ученого секретаря Ямальского окружного Комитета Нового Алфавита. Там он перевел учебник арифметики Поповой для второго класса ненецкой школы, писал брошюру «Красный чум» и вместе со студентом ИНСа Н.Собриным перевел ее на ненецкий. Вместе с тем же Собриним он перевел детскую книжку Е.Чарушина «Звери жарких стран». Для Ленсельхозгиза вместе с Г.Прокофьевым они отредактировали собранный перевод книги Я.Кошелева «Что такое оленеводческий совхоз».

О двух вербовских годах, проведенных на Ямале, не осталось документов. Только две книжки в бумажных переплетах, изданных в Салехарде на газетной бумаге, да пачка фотографий, сохраненная в архиве Ленинградского отделения Института этнографии РАН. Вербов много путешествовал в эти годы, хотя тогдашние виды транспорта донельзя тихоходны: зимой — оленья упряжка, летом — лодка под парусом да, если повезет, маломощный катеришко. По пожелтевшим фотографиям можно проследить маршруты его ямальских экспедиций: Катровож — Куптопюган — Яр-Сале — Хальмерседз.

Ямало-Ненецкий Комитет Нового Алфавита самостоятельно выпустил две книжки (нетрудно представить, какого это стоило труда в тогдашних условиях), собранные Григорием: «Ненецкие сказки и былины» и им же составленный «Краткий ненецко-русской и русско-ненецкий словарь».

Сказки ему помогали собирать тазовский комсомолец-ликвидатор Кагали Ненянг, заместитель секретаря Надымского райкома ВКП(б), позднее первый депутат Ямала в Верховном Совете СССР Николай Нярую, пятидесятипятилетний председатель располоненного на самом севере Ямальского «носа» Тамбейского кочевого совета Пирчи Окатетта. В Салехарде

Вербов много работал с автором первого хантыйского букваря Петром Ефимовичем Хатанзеевым, который помогал ему в переводе географических названий и толковал происхождение фамилий ханты.

Он работал с той страстью и плодотворной жадностью, которая выявляет в нем настоящего ученого. Его сравнивают с известным Александром Кастреном. Оба они были высокорослы, жизнерадостны и оба умели работать неистово.

Уже с фронта, в перерыве между боями — попал в госпиталь, Григорий Давыдович писал своей недавней студентке: «иногда так размечтаешься, что кажется, словно холод, забирающийся за ворот, ползет от основания шестов чума, из «ханзо», кажется, что сейчас послышится привычный стук, который производят олени, ударяя рогами о рога, когда поедутся, бродя ночью возле чума в поисках деликатесов. Стук раздастся, но он громче и суше — разорвался очередной немецкий снаряд».

Он даже о снежной болезни, которая прихватила его в весенней тундре и вывела из строя на несколько недель, вспоминал на фронте с теплотой, с какой о болезнях обычно не вспоминают. А в его старшинской полевой сумке лежал рукописный словарь, с которым он никогда не расставался и постоянно пополнял.

Если это было на фронте, то насколько же неистово трудолюбив он был в мирных научных буднях? Один из любительских снимков запечатлел его в ту пору: он в кожаном пальто (по тогдашней шмидтовской полярной моде), в раздобытом у пилотов шлеме. И если положить это фото в ряд со снимками прославленных полярников той поры, то уловишь нечто общее, и вовсе не в костюме, а во взгляде, в выражении, в общем каком-то настроении, который не может скрыть даже плохонькая любительская фотография.

Он работал не только с увлечением, но и с удовольствием. Я выписал несколько загадок из собранной им книжки:

«Внутри чума голый болтается».

«Тридцать мужчин друг дружке в волосы вцепились».

«Травяная кочка — семь дыр».

Разгадал ли он хоть одну? Наверное, потому что уже хорошо знал тундровый быт. А разгадки такие: колокольчик, шесты чума, голова.

Не осталось практически ни одного уголка на территории Ямало-Ненецкого округа, где бы ни побывал вездесущий Вер-

бов: от Полярного Урала до Мангазеи, от Тамбея и Гыдайма до Сибирских Увалов.

Это была хорошая школа, то, что позднее он назовет «тундровый порох»: «Есть еще тундровый порох в пороховницах!».

Вернувшись в Ленинград из ямальских экспедиций, Вербов был принят научным сотрудником в Институт этнографии, где он работал вместе с Прокофьевым в кабинете Сибири. А потом — снова большая экспедиция, маршрут, достойный Кастрена. Григорий Давыдович начал с востока, с Таймыра, работал на Хатанге, в низовьях Енисея, перебрался на Гыдан, вокруг Явая объехал этот полуостров и попал на Таз, оттуда на Надым, в Салехард, через Полярный Урал сначала в большеземельскую тундру, потом на остров Вайгач, в малоземельскую тундру, на остров Колгуев, и уже оттуда — в Ленинград. Вся ненецкая территория была им «закрыта».

Он продолжал читать лекции в университете, перевел две повести первого ненецкого прозаика Николая Вылки «На острове» и «Марья». После блестящего трансполлярного вояжа его пригласил к себе президент Всесоюзного географического общества Л.С.Берг и подписал ему билет действительного члена ВГО.

Он энергичен, стремителен, напорист. Его ученица Людмила Васильевна Хомич напишет ту монографию, которую не успел создать он: «Ненцы».

Старший научный сотрудник Вербов через пятнадцать дней после объявления войны добровольцем пришел в военкомат. Он делил сослуживцами все положенные фронтовику тяготы. Уже 22 декабря он был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

В письмах к сестре рядом с обычными для всех фронтовых писем «жив, здоров, уверен, что победа будет завоевана» — деловые просьбы: «Поинтересоваться, как дела со статьей «От Таймыра до Белого моря», которая должна быть опубликована в детгизовском «Глобусе», один отгиск выслать мне».

Статья о Мангазее и подготовленный им к печати труд русского путешественника восемнадцатого века Василия Зуева «Описание живущих в Березовском уезде иноверческих народов» выйдут уже после войны.

(Окончание следует).

Миниатюры истории

«О различных необыкновенных случаях, бывших и впредь имеющих быть с 1847 года»

1872 год

Распубликована высочайше утвержденная в 13 день мая 1871 г. новая редакция статей Свода законов о детях лиц православного и армяно-григорианского духовенства. Мая 30 дня, по высочайшему повелению указом святейшего Правительствующего Синода праздновалось 200-летие со дня рождения почившего Императора Петра Великого. Указом святейшего Правительствующего Синода от 11 мая 1872 года за №86 по случаю увольнения Высокопреосвященнейшего архиепископа Варлаама на покой управление Епархией предоставлено его Преосвященству Преосвященнейшему епископу Ефрему на правах епархиального Архиепископа. С половины июля месяца появилась холера, продолжавшаяся до сентября и особенно сильно действовала в приходах Вознесенском, Покровском, Крестовоздвиженском, где большинство населения — чернорабочие, а также в тюремном замке. В августе месяце, проезжая в Белгородский монастырь Курской Епархии, Высокопреосвященнейший архиепископ Варлаам ночевал в Троицком монастыре, на другой день после поздней литургии, простившись с тюменским духовенством, отправился в путь. Указом Тобольской Духовной Консистории от 30 октября за №10996 с утверждения его Преосвященства разрешено при здешней церкви с 14 сентября и недели Св. Апостола Фомы совершать в воскресные и праздничные дни утренние и вечерние бдения с вечера, как это совершается летом и на воскресные дни, читать акафист Иисусу Сладчайшему. Разрешение это получено вследствие ходатайства прихожан и причта — в память избавления от холеры.

Свастика в Тобольске

В Тобольском государственном музее-заповеднике проходил мимо стенда с образцами одежды северных народностей. По неистребимой мужской привычке не интересоваться особенностями одежды эти стенды обычно не вызвали у меня особого интереса. И вдруг!..

...Бесконечные и однообразные осмотры синтоистских храмов в течение нескольких дней в Осаке, Нагойе, Киото быстро надоедают, наступает апатия, интерес к новым впечатлениям пропадает. А тут еще сменилась погода, сыплет мелкий, как туман, дождь, и конца ему не видно. Предприимчивый гид достает из автобусного запаса дешевые зонтики и плащи в пакетиках, раздает каждому из нас. «Конечно, — говорит он, — с погодой нас сегодня не повезло, но зато у нас за рулем самый опытный шофер Японии». Настроение туристов сразу улучшается, и мы дружно даем согласие на осмотр очередного храма, тем более что там сегодня большой народный праздник, разумеется, редкий, и пропускать такую возможность нельзя.

Вот и храм. Большая толпа людей, много молодежи. Справа — пылающие огни, очищающие вас от всего лишнего, в том числе и от грехов. Под сводами — большое полотнище, на нем белый круг, а внутри свастика...

Фашизм, расизм, насилие и свастика — эти неразрывные сочетания слов настолько глубоко вошли в сознание людей, что почти неразличимы по смыслу и значению. Но судьба свастики — это многовековая история, уходящая корнями в древневосточный буддизм, формировавший быт и нравы японцев вместе с причудливыми сочетаниями языческой синтоистской религии. Между тем история фашистской свастики насчитывает всего лишь несколько десятилетий.

Свастика у буддистов в буквальном переводе с древнеиндийского означала в общем смысле «доброе пожелание», а в значении имени существительного — «блаженство» или как наречие «здорово».

Существует несколько версий о происхождении знака свастики, или креста, концы которого согнуты в одну сторону. По мнению одних специалистов, свастика — это стилизованное изображение летящей птицы, предвестника весны и яркого солнца. С изображением птицы со змеею в клюве связано и другое объяснение. Для первобытного человека змеи в пещерах и жилищах всегда были грозным врагом, поэтому некоторые птицы, пожирающие змей, считались священными, а их кресто- или зет-образные рисунки

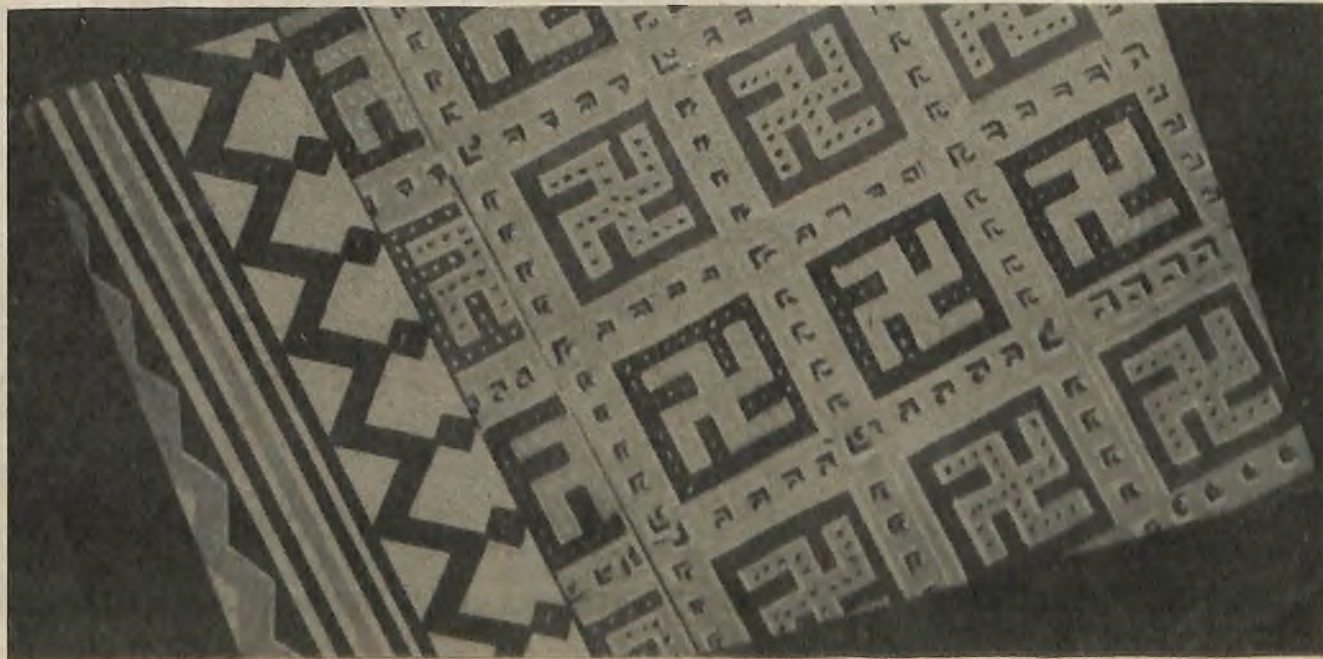
символизировали борьбу начал добра, здоровья и счастья со злом.

Другие исследователи объясняют форму знака как сложенные накрест куски дерева, при трении которых первобытный человек добывал себе огонь, либо как мимико-графическое начертание фигуры человека в молитвенной позе.

Стилизация знака свастики известна со времени каменного века. Сохранив свой первоначальный смысл, знак получил простую и запоминающуюся форму в законченном, совершенном, нигде не повторяющемся виде.

Интересно, что археологические находки с изображением свастики найдены на территории всех континентов Земли за исключением Австралии. Они встречаются в Европе, в Египте, в Азии и в других местах.

На благородное значение знака фашизм наложил свое коричневое пятно, и поэтому первое впечатление от увиденного в храме у большинства из нас невольно ассоциировалось с очередным — а в Японии есть и такое, — сборищем людей, ностальгически страдающих о невозвратном прошлом. Но такие мысли приходили только вначале, в первые моменты. Уважение к великому и трудолюбивому народу полностью отвергло предположения, а место, где происходило событие, не допуска-

ло и мысли об использовании полотнища со свастикой в политических целях...

Рассматривая в Тобольском музее образцы одежды северных народов, неожиданно увидел, на сей раз осмысленно-подготовленным японскими событиями взглядом, красивый красно-черно-желтый орнамент из цветных ниток, главным содержанием которого был многократно повторяющийся вышитый знак свастики.

Откуда здесь, на Севере, свастика?! Как она пришла сюда из далекого Индостана? И не просто пришла, но стала частью народных представлений о счастье, а иначе для чего надо было вышивать ее на праздничном платье?

В районе Березова сравнительно недавно найдены серебряные монеты, староиранские, отчеканенные еще в IV-VI веках. Уже тогда, видимо, торговые связи заставляли восточных купцов искать счастья в холодных сибирских краях. С собой они привозили и легенду о свастике, и нарядные ее изображения. Известны и более поздние находки.

Как-то в руки мне попался каталог музея при Тюменском Александровском реальном училище, изданный в 1905 году его организатором и директором училища И.Я.Словцовым. Между прочим, издан он в Тюмени в бывшей типографии Л.К.Высоцкой. Прекрасные шрифт и качество печати!

Имела Тюмень мастеров своего дела во все времена.

Среди описаний экспонатов меня заинтересовала ссылка на два серебряных сосуда. На горлышке одного из них имелась надпись на древнеарабском языке с посвящением одному из шейхов: «Шейху Ибн-Эль-Фадли-Шашэ, сыну Али. Да увековечит Аллах его существование, и да продлит он его власть и его счастье, и его благополучие благоденствием и милостью, и веселием, и здоровьем обладателю его». Сосуд был найден вблизи Нижней Тавды в устье реки Иски, впадающей в Тавду. Предметы датировались XII или XIII веком. На заре русской истории река Тавда служила водным путем через пермский край к Великому Новгороду. Здесь-то и оставила история свои вещественные следы.

Не из тех ли времен древнеиндийские слова «басура» (русское — бусы, бисер), что значит красота («баско»); или санскритское «каранка» (русское — крынка) — череп; или русское «чаша» от чкаш (кушать, есть) вошли в русский лексикон, пройдя вместе с их обладателями Сибирь и Уральский хребет? Даже грива — шея (русское гривна — шейное украшение) — произошло от древних индийцев.

Среднеазиатские серебряные изделия известны на Иртыше, на берегах реки Хадуттэ в районе Надыма, под Салехардом. В языке

манси среди слов, отображающих религиозные обряды, есть и такие, корни которых по звучанию совпадают с древнеиндусским языком. Древние индусы и манси — они знали друг друга.

В записках Западно-Сибирского русского географического общества за 1881 год удалось обнаружить статью Н.Балакшина о торговом движении между Западной Сибирью и китайскими владениями с участием среднеазиатских купцов. Эти связи известны с XVI века со времен Кучума, когда в ногайской и татарской орде торговали бухарцы.

Позже, после зарождения в 1631 году Ирбита, русского острова среди поселений татар и манси, развитию торговых отношений широко способствовала Ирбитская ярмарка, просуществовавшая около 280 лет. Ирбит знала не только Россия, но и весь торговый Восток. Ярмарка оказала замечательное экономическое и культурное воздействие на развитие Сибири.

Не отсюда ли пришли эти рисунки, столь сильно меня заинтересовавшие? Не мечтой ли о счастье и надеждой на него руководствовались руки мастерицы (мастера), готовившей подарок дорогому и уважаемому человеку, будущему хозяину одежды?

В.Копылов,
профессор.

Миниатюры истории

«О различных необыкновенных случаях, бывших и впредь имеющих быть с 1847 года»

1873 год

Во время путешествия с Восточного Океана через всю Сибирь его Императорское Высочество великий князь Алексей Александрович на пароходе из Томска изволил прибыть в Тюмень в июле в 9 часов утра и около поплавного моста через Туру был встречен Градским Головою с почетными гражданами на той самой лодке, на которой в 1837 году перевозили через Туру бывшего тогда наследником Всероссийского престола, родителя его, ныне благополучно царствующего Государя Императора Александра Николаевича. Перешед с парохода в лодку, его Императорское Высочество в особо устроенном на берегу павильоне был принят и изволил пересест в коляску, в которой и прибыл прямо в Троицкий монастырь. Здесь после подобающей встречи в холодной монастырской церкви была прочтена сугубая ектения и провозглашено многолетие. Их императорским величеством и государю, наследнику и виновнику настоящего торжества. Приложившись к св. кресту, его Императорское Величество изволил выйти из церкви и затем обозревал тюремный замок, женскую гимназию, уездное училище и другие учреждения. Вечером был дан бал в городском саду, но пошел проливной дождь, который прекратился уже на завтра в час пополудни. Высокий посетитель 5-го числа в 11 часов отправился в Екатеринбург. По возвращении с проводим граждан духовенством совершено было в Спасской церкви благодарственное и вместе напутственное молебствие. При встрече замечательно то, что когда духовенство стало по обыкновению на свои места в церкви, т.е. одни по правую сторону, другие — по левую Архимандрита, а высочайший гость изволил стать по правой стороне против образа Христа-Спасителя, то генерал-губернатор Западной Сибири А.П.Хрущев подошел к благочинному, рекомендовал стать всему духовенству на левую сторону лицом к высокому посетителю, а не спиной. И это кажется справедливо, но ранее этого времени ни в 1837 году в Тобольске, ни в 1868 году в Тюмени при встрече его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича о таком размещении духовенства никем не было сказано. При указе Тобольской Духовной Консистории от 27 ноября 1873 г. за №11177 препровождена выписка из журнала присутствия по делам православного духовенства от 9 февраля, высочайше утвержденного 24 марта сего года, относительно нового порядка раздела доходов между членами причтов.

Старые газеты

«Ермак», который не вел корабли

В начале века, до Октября, в Тюмени выходило несколько периодических изданий. В их числе «Ермак», или, как она именовала себя, «беспартийная, литературная, общественная и торговая газета» (редактор А.Афромеев). Любопытны, например, публикации за 1912 год.

Из дневника обывателя

Тюменская жизнь никогда не отличалась такими явлениями, которые давали бы постоянный злободневный материал для бытописателя...

Трудно составлять репортерам местных газет хронику, и для заполнения столбцов листков заносятся случаи из общественной жизни соседних городов: Тобольска, Кургана, Ялуторовска и других. Не оставляются без внимания даже переводы урядников из одного стана в другой.

Далее «Ермак» язвит в адрес конкурента и редактора ее «Сибирской торговой газеты».

«С каким трудом создается наша городская хроника, более всех знает известный Александр Александрович, выразитель тюменского общественного мнения... В истории Тюмени, если таковая когда-либо будет написана, этому редактору и его знаменитой приговорке «фу ты, дьявол», будет отведено надлежащее место».

«Хроника, занесенная на страницы той газеты рукой ее кормчего, составляет для будущего историка интересный материал. По ней жил и интересовался наш город за последние два десятилетия».

Много там имеется поучительного материала и для грядущего поколения. Там, как в зеркале отразилась деятельность бывших отцов города, оставивших глубокий след своего управления на городском благоустройстве...».

«Меня заинтересовала история громадного городского здания, занимающего целый квартал, напротив городской Думы (это бывший Дом офицеров). И я обратился за ответом к нашему А.А.»

И вот что он ответил: «Было время, когда в этом здании торговая жизнь была ключом. Называлось это здание «гостинный двор». Громадные его лавки были полны товара. Во время Васильевской ярмарки в 60-70-е годы прошлого столетия, одно время грозившей сильной конкуренцией Ирбитской ярмарке и проданной тюменцами ирбитчанам за чечевичную похлебку, наезжало в Тюмень много ярмарочных гостей из Сибири и Москвы».

...Купцы жили тогда во всю ширь своей «купецкой» природы. Данченков, Космарев, Иконников и Шешуков давали «тон» городской жизни».

И по сейчас еще сохранились легенды о грандиозных кутежах Кондратия Шешукова, бросавшего сторублевые кредитки за песни цыган».

Эх, как не вспомнится Дмитрий Федорович Карамазов. Москва кабацкая, а Тюмень купецкая...

«Не многие из стариков помнят уютную лавку Масловского, торговавшего книгами».

Кстати, там тюмонец мог получить все, что требовалось ему. А вот любопытная деталь: чай с собственными плантациями продавали Колокольников, Молодых, Гилев. Откуда они, собственные-то? Авторитет по чаю В.Похлебкин вот что пишет: «Уже с конца XIX века были сделаны робкие попытки расширить плантации чая на территории Грузии за счет использования земель царской семьи» («Пищевая промышленность», Москва, 1969). Торговля чаем шла через Кяхту, Иркутск, и далее или обозы. В то время (начало века). Тоже тема».

Но вернемся к изданию. «Там проходили шашечные турниры с их «фуками» и сухарями. Были настоящие виртуозы, как калмык Палямов, играющий без проигрыша. Это был своего рода шашечный Чигорин, не имевший противников в Тюмени».

«В девяностых годах я помню уже закрытые лавки, торговля окончательно перешла на хлебную площадь, старый «гостинный» служил для склада товаров».

Постоянное передвижение войск во время Русско-Японской войны вызвало потребность в постройке казарм. В это же время встал вопрос о переводе Тобольского полка в Тюмень. «Начали вычислять выгоды для города от перевода полка. Ожидали поднятия цены на квартиры, на муку, на развитие торговли и промышленности. Отцы города порешили не упускать «момента» и составили доклад в Думу о необходимости строить казармы. Этот доклад навсегда будет обвинительным актом для Текутьева, не задумавшегося подготовить цифры, чтобы провести в Думе назревшее у него решение... Строили, перестраивали да настроили вместо 25000 руб. на 70000 руб.»

Постройка не обоилась и без курьезов, наводящих на размышление. При разломке внутренних стен здания оказалась лишней масса кирпича и щебня, которые не пошли на городские надобности, как, например, на утрамбовку немогущих улиц, а с разрешения милостивого начальства послужили фундаментом для многотысячного домика одного городского служащего...»

Полк был переведен в Омск, казармы оказались пустыми. Громадная сумма затрачена непроизводительно. Только повалившаяся будка для часового, недавно убранный, напоминала тюменцам, что в гостинном дворе была недавно казарма».

Такая вот едкая корреспонденция, подписанная, разумеется, псевдонимом «Обыватель».

В то же время в Тюмени издавалась «Сибирская торговая газета» (редактор Крылов). Конкуренты постоянно пикировались, был бы хоть малейший повод. Вот характерная заметка в «Ермаке»:

Газета-лавочка

Один из устроителей «Дня незабудок» (был такой праздник в Тюмени, устраиваемый в пользу общества попечения об учащих), обратился к г.Крылову с просьбой напечатать в его газете воззвание к публике. «А сколько заплатите за строчку? — задал вопрос старейший редактор, — извините, даром не печатаю, газета та же лавочка». Очень жаль, что вы свою газету обратили в лавочку, торгующую печатным словом оптом и в розницу. Молодец, г.Крылов, откровенен до цинизма!

Коллекция ценных бумаг в фондах ТОКМ как свидетельство обширных торговых связей тюменского купечества

В фондах Тюменского областного краеведческого музея имеется архивное собрание денежных документов — ценных бумаг, с помощью которых тюменское купечество совершало торговые и банковские операции. Это прежде всего векселя, личные денежные долговые обязательства, дающие представление о возможностях векселедателя и векселедержателя, а также о географии деятельности тюменских торговцев. Далее — более высокий уровень банковского дела: различные чеки, квитанции, поручительства, являющиеся образцами деятельности тюменского купечества в широком масштабе.

Документы представляют большую ценность тем, что многие именные ценные бумаги служат свидетельством интенсивной коммерческой деятельности тюменского купечества. Бланки квитанций и векселя иностранного происхождения подтверждают выход тюменских предпринимателей на мировой рынок.

Тюмень — город на пересечении торговых путей Азии и Европы — издавна завоевал славу торгового города. И. Завалишин отмечал: «Торговым же сословием город Тюмень первенствует и, что всего важнее, — духом торгового сословия ушел далеко вперед против всех городов сибирских и очень многих русских». Одними из первых в Сибири тюменские купцы начинают пользоваться новшествами в оформлении денежных операций.

Векселя делятся на простые и переводные. В фонде музея имеются только простые, являющиеся ничем не обусловленным обязательством векселедателя уплатить по наступлении срока определенную сумму денег векселедержателю. Вексель — строго формальный документ: отсутствие любого из обязательных реквизитов лишает его силы векселя.

Предметом вексельного обязательства могут быть только деньги как в национальной, так и в иностранной валюте.

Векселя коллекции Тюменского музея все именные, просты, написаны по установленной законом форме, заверены у нотариуса, оплачены гербовым сбором, составлены по всем предусмотренным законом способам.

Например, Тюмень 30 марта 1856 года
Вексель на 150 руб. сер.

По сему моему векселю от сего тридцатого марта тысяча восемьсот пятьдесят шестого года через три месяца повинен я заплатить потомственному почетному гражданину Тюменскому первой гильдии купцу Кондратию Козьмичу Шешукову или его приказу денег серебром сто пятьдесят рублей, на которую сумму получил с товаром сполна. Тюменский мещанин Федор Иванов Прасимов.

Тюмень 26 марта 1891 года
Вексель на 10000 рублей

От сего двадцать шестого марта тысяча восемьсот девяносто первого года через двенадцать месяцев по сему нашему векселю повинны мы заплатить в Тюмени душеприказчикам умершего Тюменского 2-й гильдии купца Петра Григорьевича Ядрышниковца, жены его Феоктисты Андреевны Ядрышниковой и Тюменскому 2-й

гильдии купцу Ивану Андреевичу Решетникову, или кому они прикажут десять тысяч рублей, которые мы от них наличными деньгами получили сполна. Торговый дом «Карякин и Андреев». Член его Тюменский 1-й гильдии купец Прохор Алексеев Андреев.

Тюмень 1 сентября 1894 года
Вексель на 127 рублей сер.

От сего первого сентября тысяча восемьсот девяносто четвертого года через один год повинен я заплатить Тюменскому 2-й гильдии купцу Андрею Ивановичу Текутьеву, или кому он прикажет сто двадцать семь рублей серебром, на таковую сумму я у него взял товаром. Отставной унтер-офицер Андрей А. Семенов.

В коллекции музея имеются векселя наследников А. И. Соколовой Мюнхенскому, Берлинскому, Ознабрукскому, Парижскому банкам.

Со середины XIX века в обороте банковских операций большое место начинают занимать чековые книжки как удобное средство безналичного платежа.

Чек — это денежный документ установленной формы, содержащий безусловный приказ чекодателя кредитному учреждению о выплате держателю чека указанной в нем суммы. Обычно плательщиком по чеку выступает банк. Чек как документ краткосрочного действия должен быть оплачен банком по предъявлении, а предъявлен к платежу в срок, установленный законом.

Различаются чеки именные, ордерные и предьявительские. В фондах музея имеются чеки именные и предьявительские.

Чеки изготовлены типографским способом на специальной бумаге с изображением фирменного знака «Сибирский Торговый Банк», по краям чеков на четырех языках (русском, английском, французском, немецком) имеются надписи «Сибирский Торговый Банк». Текст, содержащий приказ о выдаче денег, напечатан типографским способом, а сумма денег к выдаче, данные владельца счета — от руки или факсимиле, подпись только от руки.

Например, чек №36 от 25 ноября 1850 года

Выдан со счета №1 (специальный) П. И. Подаруева на сумму 5300 рублей предьявителю.

Сумы к выдаче различные: от 35 рублей, полученных с текущего счета №293 А. Ф. Колмагоровым 10 сентября 1893 г. по чеку №90023, до 32 тысяч рублей, полученных с текущего счета №353 А. В. Колмагоровым по чеку №534414 от 12 декабря 1903 г.

Имеющиеся в коллекции чеки принадлежали крупным тюменским коммерсантам, в их числе:

Подаруев П. И. — 5000 руб.;
Пятков И. Д. — 4000 руб.;
Т-во «Курбатов и Игнатов» — 500 руб.;
Михайлов А. И. — 700 руб.;
Т. Д. «Ф. С. Колмагорова Н-ки» — 1500 руб.;

Т-во «Трапезников и К» — 1000 руб.;
Воробейчикова П. П. — 750 руб.;
Решетников Д. Г. — 300 руб.;
Молодых В. Г. — 1000 руб.;
Т-во «Бр. Плишкины» — 500 руб.;

Рабинович Р. И. — 700 руб.;
Т. Д. «Козловой и Третьякова» — 1000 руб.;
Адм. Т-ва «Н. Д. Машаров и К» — 20000 руб.;

Т. Д. «Бр. Шайчик» — 550 руб....

Имеющиеся в коллекции чеки Тюменского отделения Русского для внешней торговли банка позволяют ознакомиться с участием тюменских предпринимателей во внешней торговле. Чеки изготовлены на документной бумаге с водяными знаками и фирменным знаком «Русского для внешней торговли банка». Текст напечатан типографским способом. Сумма, дата, подпись написаны от руки. Чеки датируются 1913-1915 гг.

Чек №3711731 от 19 августа 1913 г.
счет №3 Панкратьева Н. Л.
на сумму 1100 руб.;

чек №2316240 от 16 июня 1915 г.
счет №50 Т. Д. «Плотников и С-я»
на сумму 1200 руб.

Статья В. Ильина «Краткие статистические описания окружающих городов Тобольской губернии» (1864 год) характеризуют тюменцев следующим образом: «...нынешнее тюменское купечество торговой деятельностью своею приобрело себе почетную известность на всех, даже отдаленных рынках империи. Кроме обширной внутренней торговли, многие тюменские купцы ведут огромный торг с Китаем и участвуют во всех подрядах и поставках по империи».

Отделение Сибирского Торгового Банка в Тюмени, находившееся на ул. Царской в собственном доме (совр. угол ул. Республики — ул. Челюскинцев), производило банковские операции со многими коммерческими российскими и зарубежными фирмами. По квитанциям-доверенностям Сибирского Торгового Банка в Тюмени (гл. контора в С-Петербурге) выдавало различные суммы денег владельцам счетов, производило взаиморасчеты безналичным способом. Операции совершались как по личному требованию, так и по телеграфным извещениям-распоряжениям.

Например, квитанция от 17 мая 1890 года от Сибирского Торгового Банка Тюменскому отделению в получении Д. Е. Пятковым 12 тыс. руб.

Квитанция от 10 мая 1897 года от Тюменского отделения Сибирского Торгового Банка о выдаче Б. Рейзенштейну по поручению Московского Международного торгового-коммерческого Банка суммы денег 2 тыс. руб.

Квитанция от 17 июля 1897 года от Тюменского отделения Сибирского Торгового Банка о выдаче Пряжину по поручению Волжского отделения Русского торгового-промышленного банка суммы 1500 руб.

Квитанция от 11 октября 1897 года от Тюменского отделения Сибирского Торгового Банка о выдаче Петру Тарасову по поручению Таганрогского отделения С-Петербургского Учетного и Ссудного банка суммы 10000 рублей.

Квитанция от 22 декабря 1897 года от Тюменского отделения Сибирского Торгового Банка о выдаче Т. Д. «Ф. С. Колмагорова Н-ки» со счета Собеникова и Бр. Молчанов

вых по поручению Томского отделения Русского для внешней торговли банка суммы 4650 рублей.

Квитанция от 26 октября 1906 года от Киевского отделения С-Петербургского Международного коммерческого банка о выдаче Собенникову по поручению Тюменского отделения Сибирского Торгового Банка суммы 5000 рублей.

Квитанция от 10 сентября 1913 года от Тюменского отделения Сибирского Торгового Банка о получении от Волжско-Камского коммерческого банка в Кургане на счет «Союза Сибирских маслоделческих артелей» суммы 5000 рублей.

Квитанция от 17 декабря 1915 года от Семипалатинского отделения Русско-Азиат-

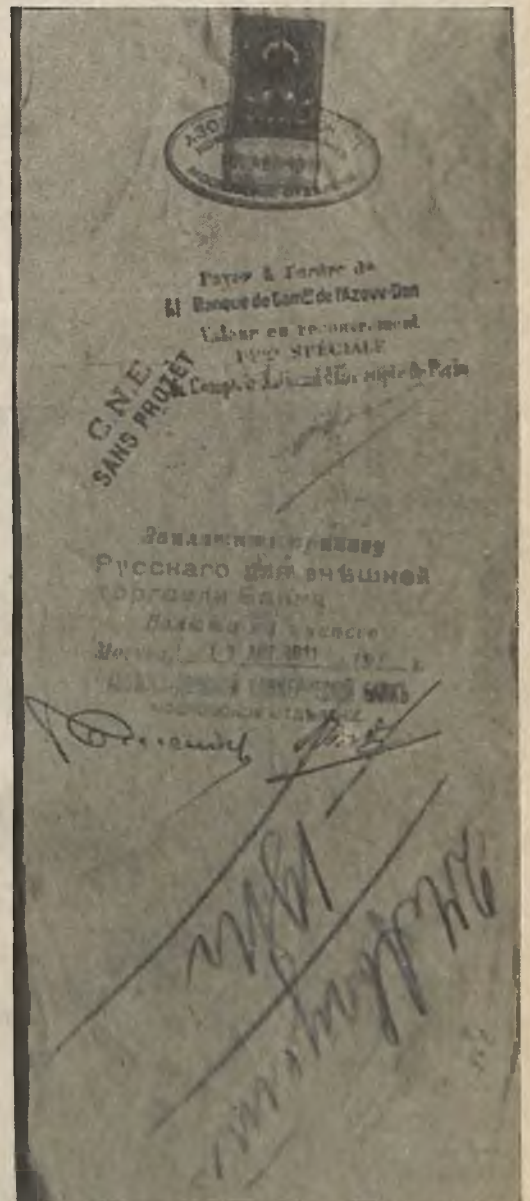
ского банка о получении от Акционерного общества Семипалатинских паровых мельниц по поручению Тюменского отделения Русского для внешней торговли банка суммы 16000 рублей.

Квитанция от 29 июля 1909 года от Русско-Китайского банка о получении по телеграфному переводу-поручению Тюменского отделения Русского для внешней торговли банка от Абдрахмана Муртазина в Семипалатинске суммы 2000 рублей.

Квитанция от 6 марта 1910 года от Тюменского отделения Русского для внешней торговли банка о получении от Т-ва «А.М.Соколовой Н-ки» для перевода в Герлиц фирме «Эрнст Горбст» суммы 360 руб. 37 коп.

Документы, имеющиеся в фондах музея, раскрывают некоторые стороны обширной деятельности тюменских предпринимателей, которые быстро заимствовали новые формы коммерческой деятельности, так как видели несомненное удобство новых методов банковских операций для увеличения собственных капиталов (шли проценты) и надежности при произведении взаиморасчетов.

Н.Войнова,
директор музея истории города.

Памятники культуры

Владимирское сиропитательное ремесленное заведение

В 1871 г. генерал-губернатор Западной Сибири сообщил министру внутренних дел, что «тюменский купец, потомственный почетный гражданин Семен Трусов построил в г. Тюмени на собственный счет двухэтажный дом, стоящий до четырнадцати тысяч рублей для помещения в нем сиропитательного заведения, на содержание коего пожертвовал десять тысяч рублей...». В честь посещения Тюмени Великим князем Владимиром Александровичем заведение было названо Владимирским.

Здание было построено на дальней тогда окраине города за большой базарной площадью. Тем самым главная улица Тюмени получила новую веху своего

развития на юго-восток. Добротное каменное здание встречало всех приезжавших в город со стороны Ялуторовска.

В конце XIX века к южному торцу его была пристроена домовая церковь. Заведение окружал большой сад, частично сохранившийся до наших дней (современное его название Спортивный сквер).

21 ноября 1897 года Владимирское сиропитательное отмечало 25-летие со дня открытия. Тогда оно состоялось под покровительством Великого князя Владимира Александровича, почетной попечительницей — Великая княгиня Мария Павловна. Делами заведения управлял комитет в числе двенадцати выборных членов, председателем кото-

рого являлся городской голова А.А.Мальцев, казначеем — А.И.Ядрышников.

Воспитанников в заведении насчитывалось 57 человек, из них 31 девочка и 26 мальчиков, при этом три грудных ребенка. За девочками смотрела надзирательница, а за мальчиками — дядьки. Преподавательский персонал состоял из священника и учительницы. Мальчики старшего возраста обучались сапожному ремеслу, а девочки — вязанию чулок, плетению кружев, шитью белья и т.д.

Фото В.Коротаева

Миниатюры истории

«О различных необыкновенных случаях, бывших и впредь имеющих быть с 1847 года»

1874 год

Указом тобольской духовной Консистории от 2 мая сего года за № 4977 дано знать, что Викторий тобольской Епархии Преосвященный Епископ Березовский Ефрем по всеподданнейшему докладу Святейшего Правительствующего Синода в 25 день марта Высочайше утвержден Епископом Тобольским и Сибирским. 29 мая около 5 часов по полудни по северной стороне Тюмени, называемой Затюменкою, пронеслась буря с проливным дождем и градом значительной величины. Этой бурей с Крестовоздвиженской церкви снесло 2 главы с каменными шейками на железных устоях. Устои эти выворотило из куполов, одну главу совершенно изорвало, а другую сильно измяло, что при выправке отпала и самая позолота; один крест переломило у самой главы и перебило много в церкви стекол. Епархиальным начальством по представлению причта разрешено было из церковной суммы на эти поправки употребить 200 рублей, но по случаю позолоты вновь другой главы и других непредвиденных расходов употреблено всего 265 рублей.

Стоит упомянуть и о том, что во всех почти домах Затюменки перебило градом стекла в окнах с западной стороны, а самой бурей на приходском кладбище наломало берез сажень на 30 дров.

Не говоря уже о старых березах с дуплами и подгнившими корнями, много изломало берез молодых, здоровых и падением их повредило некоторые памятники на могилах и много загородок.

В монастыре с южной стороны снесло ветром главу с крестом и разломало деревянную шейку, снесло ветром главу с крестом и разломало деревянную шейку, снесло также с паравента над теплой церковью железную крышу и сломало железные дымовые трубы.

В сентябре изволил приехать в Тюмень его Преосвященство Преосвященнейший Ефрем, епископ Тобольский и Сибирский и за всеобщей в монастыре совершил положенное по уставу воздвижение крестам. Богомольцев было много, тем более что по окончании всеобщей в церкви Крестовоздвиженской по предложению священника все обратились в монастырь, назавтра, 14 числа, его Преосвященство литургию изволил совершать в Крестовоздвиженской церкви и после литургии — молебен кресту честному.

15 сентября его Преосвященство изволил освящать в Вознесенской церкви придел в честь Преображения Господня, пристроенный на капитал, завещанный покойным купцом Иваном Васильевичем Оконешниковым. Литургия кончилась в 2 часа пополудни. Указом Тобольской Духовной Консистории от 14 октября за №10321 разрешено причту употребить из церковной суммы 250 рублей на приспособление купленного в 1872 году у вдовы Е. Поповой для причта дома к помещению священника и дьякона и на поправки как по самому разуму, так в подвале, с предположением в последнем поместить или винный склад, или ренсковой погреб. В церковный дом священник переселился 6 ноября, а дьякон — 17 ноября.

Миниатюры истории

«О различных необыкновенных случаях, бывших и впредь имющих быть с 1847 года»

1878 год

Его Преосвященство Преосвященный Ефрем, епископ Тобольский и Сибирский, прибыл в Тюмень 30 мая, изволил остановиться в монастыре, где и служил литургию. После литургии с крестным ходом из Михайло-Архангельской церкви в присутствии генерал-губернатора Кожакова и губернатора Пелино изволил заложить здание под реальное училище Подаруева. Замечательно то, что генерал-губернатор на пути в Омск из Тюмени так ехал скоро, что 15 лошадей вольно-почтовых едва не пали, а для епархиального архиерея едва нашлись лошади.

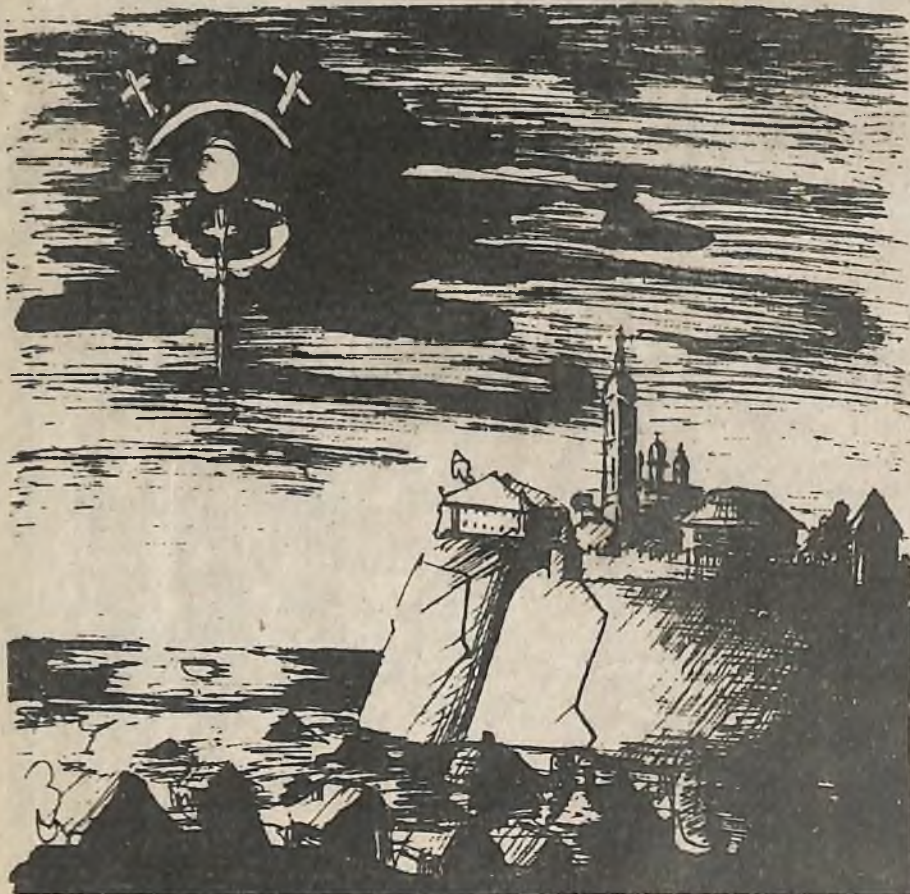
1891 год

Весна и лето в Тюменском округе весьма были засушливые, падение рек было замечательное, недород хлеба и трав. 21 числа августа Преосв. епископ Августин прибыл в Троицкий монастырь, служил всенощное бдение, а 22 числа литургию, за которой вручил настоятелю монастыря О.Филарету шуменский жезл и рукоположил кончивший курс семинаристов во дьякона. 23 числа служил в Спасской церкви, причем преподавал священнику Д.Космакову протоирейство, а новопоставленного дьякона рукоповодил во священника и произнес по отзыву слушателей очень поучительную речь. В 4 часа вечера градское духовенство поблагодарив за исправность, отбыл в Ялуторовск.

1895 год

Преосв. епископ Агафангел проезжал для ревизии тюменских и туринских окружных церкви через Тюмень, в передний путь освещал возобновленную Ильинскую церковь, кроме того, служил в Троицком монастыре, где посвятил в стихарь псаломщика Копылова и рукоположил в священники при военном ведомстве и обратно проехал через Тавду.

Г.Иванцова,
зам.директора госархива области;
О.Лахтина,
студентка ТГУ.

О небесных
страстях
Тобольска

читайте в №2

Верстка выполнена
компьютерной группой
"Согласия"

Адрес редакции:
625000, г.Тюмень, ул.Ленина, 65;
телефон 26 36 05.

Цена 10 р.

Отпечатана в издательстве
"Тюменская правда".

Индекс 54318.